ПИОНЕР

15

П 29
34

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ 1934 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 15

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ.
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76

15 августа 1934

Эрнст Тельман

Эрнст Тельман — вождь германской компартии, бывший делегат рейхстага, первый красный фронтовик — в руках врагов рабочего класса. Он схвачен фашистами и заключен в тюрьму. К нему не пропускают жену, не передают писем. Рабочим делегациям отказывают в свидании с Тельманом.

Суда еще не было, — но приговор готов. Тельману угрожает топор палача. Фашисты загнали в подполье коммунистическую партию. Они хотят убить ее руководителя.

Весь рабочий мир в тревоге за жизнь Тельмана. Во Франции, в Америке, в Голландии, в Швейцарии происходят собрания и демонстрации, требующие освобождения Тельмана. Растут комитеты борьбы за освобождение его. Лучшие люди науки и культуры — знаменитые писатели и ученые вместе с рабочими. Их голос гневного протеста против задуманного фашистами гнусного убийства слышен всему миру.

Пока Тельман в руках у фашистских убийц, ни один честный человек не может быть спокоен.

Французский революционный писатель Анри Барбюс сказал: «Мы должны выиграть Тельмана как сражение».

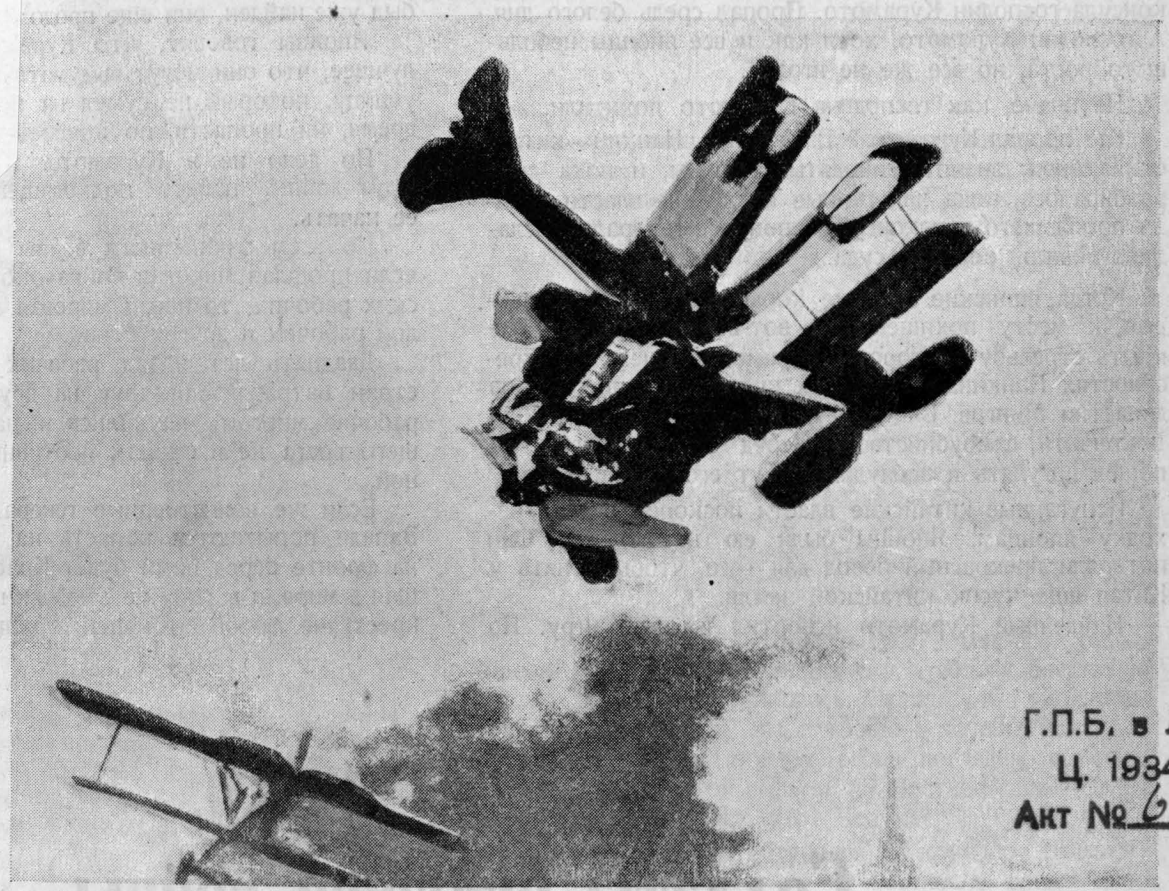
Так выиграем же это сражение! Пусть не будет в нем ни одного дезертира, ни одного равнодушного.

Всю волю, все силы на борьбу!

Жизнь и свободу лучшему другу рабочих, героическому борцу за свободу, коммунисту Эрнсту Тельману!

П 349
П 29
34

Двадцать лет назад



Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт № 644

Столкновение в воздухе английского самолета с германским во время мировой войны.

Выстрел в Сараеве

Двадцать лет назад сербский студент Гаврила Принцип в г. Сараеве убил наследника австрийского престола Фердинанда.

Журналисты со всего мира с'ехались в этот городишко. Корреспонденты газет старались узнать все подробности убийства: кто убил, да как, да что будет дальше.

Все эти вопросы они задали одному австрийскому чиновнику. Чиновник хотел поразить журналистов чем либо необыкновенным и сказал:

— Господа, убийство его высочества эрцгерцога Фердинанда—это начало мировой войны.

Журналисты расхохотались. Это были бывалые, неглупые люди. Их рассмешили важный вид чиновника и его нелепое предсказание. Правда, Фердинанд был важная птица, огромная Австрия все время наседала на маленькую Сербию, но мировая война из-за убийства одного человека—это нелепость.

Однако чиновник, который сболтнул и сам удивился своей глупости, неожиданно для самого себя оказался прав: Австрия двинула войска на Сербию. Россия вступилась за Сербию, Германия поддержала Австрию, против Германии и Австрии выступили 10 государств, только Турция и Болгария выступили на стороне Германии, Франция, Англия, Бельгия и Италия об'явили войну Германии и Австро-Венгрии. Даже Япония, а затем и Соединенные штаты Америки тоже выступили против них.

Ну, а какое в конце концов дело Японии до наследника австрийского престола?

Никому, собственно, не было дела до убитого Фердинанда. Но мир стоял перед войной. Капиталисты всех стран вооружались, чтобы по-новому переделить земной шар. Им тесно было в своих границах. Любой повод мог вызвать войну.

Покушения на «высоких особ» не всегда вызывают войны. За 25 лет до случая в Сараеве итальянский студент стрелял в самого австрийского императора. Студента казнили, и это не вызвало никакой войны.

Выстрел же Гаврилы Принципа, через 25 лет, когда весь мир стал сплошным пороховым складом, вызвал взрыв. Его выстрел оказался действительно первым выстрелом мировой войны.

Война переделала карту земного шара, исчезла лоскутная, составленная из разных народов, Австро-венгерская империя, возникли новые государства. Совсем неожиданно для капиталистов возник Советский союз. Много потеряли побежденные, немного выиграли победители. И если бы капиталисты заранее знали, что война окончится победой революции в России, они, возможно, постарались бы не раздувать сараевскую искру в пожар мировой войны.

Похищение Курамото

Недавно в Нанкине пропал помощник японского консула господин Курамото. Пропал средь белого дня. А господин Курамото, хотя как и все японцы небольшого роста, но все же не иголка.

Не иначе, как господина Курамото похитили.

Где пропал Курамото? В Нанкине. Нанкин—китайский город, значит, виноваты китайцы, и пока дело разбиралось, пока напуганные китайские власти искали пропавшего вицеконсула, японские генералы послали в Нанкин военные суда.

Когда японские военные корабли шли полным ходом к месту похищения и вот-вот собирались открыть стрельбу по городу, Курамото нашелся в окрестностях Нанкина на могилах китайских императоров династии Мингов. Вицеконсул об'яснил, что он решил покончить самоубийством. Перед самоубийством он пошел погулять и заблудился. Тут его и нашли.

Испуганные китайские власти поскорей отдали находку японцам. Японцы были ею недовольны. Они потеряли прекрасный повод для того, чтобы отнять у Китая еще кусок китайской земли.

Найденный Курамото испортил им всю игру. Но японцы не сразу отказались от нее. Когда Курамото был уже найден, они еще продолжали угрожать Китаю.

Японцы говорят, что Курамото помешался, это лучшее, что они могут выдумать про неудачного самоубийцу, который не сумел ни покончить с собой вовремя, ни пропасть, по крайней мере, как следует.

Но дело не в Курамото. Капиталисты, которые ждут войны, найдут подходящего Курамото, чтобы ее начать.

Но всем зачинщикам войны нужно помнить, что если прошлая мировая война окончилась победой русских рабочих, то новая мировая война кончится победой рабочих и других стран.

Двадцать лет назад рабочих и крестьян разных стран натравливали друг на друга. За двадцать лет рабочие многому научились и найдут своего настоящего врага не в окопах противника, а за своей спиной.

Если же воинственные генералы на Востоке и на Западе попытаются напасть на Советский союз, то на фронте перед ними будет Красная армия—сильнейшая в мире, а в тылу ее союзники и друзья—рабочие и крестьяне любой воюющей страны.

Солдаты будущей войны

Эти солдатики—японские школьники. Их с детства готовят к будущей войне. Их с детства приучают думать, что нет лучшей участи, чем смерть на войне за японского императора и капиталистическую Японию.

ДУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

(*Окончание*)

Рассказ Б. Шатилова. *Рис. Ф. Полищук*

Глава пятая
В „американском посольстве“

— Как строить навострились, канальи! — пробормотал Прохор Данилыч, замедляя шаги и с любопытством осматривая чугунную ограду, садик за ней, в котором два парня, сверкая лопатами, взрывали землю под газоны и клумбы, и за садиком только что отстроенную громадину из серого камня с большими квадратными окнами. Массивные дубовые двери с медными ручками Прохор Данилыч тотчас же оценил по достоинству и решил, что это не иначе, как американское посольство.

На двери висела вывеска, писанная золотом, под толстым стеклом. Прохор Данилыч заинтересовался, прижался лбом к узорной ограде и прочитал:

НКПС
33-я школа N-го района
им. И. В. Сталина.

Вывеска — как вывеска. Но на Прохора Данилыча она произвела необыкновенное действие.

— Вот так клюква! — пробормотал он, с недоумением уставясь на серую громадину. Грунька, старые школы, которые он привык узнавать и всегда безошибочно по их облупленному виду, как-то не вязались у него в голове с этим «американским посольством». Здесь все было не так, и ничто не напоминало о школе. Даже вывеска и та ведь раньше писалась на жести и вешалась высоко над дверью, под крышей. А тут вон как! Садик, газоны, двери дубовые и такие хоромы — бес их знает, как и входить!

«Впрочем, — вспомнил Прохор Данилыч, — ведь Грунька-то что-то болтала насчет того, что они переехали в новую школу...» А что, это он по обыкновению пропустил мимо ушей.

Одернув пиджак, он прошел через садик и вошел в школу. В вестибюле на диване сидела сторожиха и вязала чулок. Прохора Данилыча удивили и даже встревожили необыкновенная чистота и тишина.

— Разве нынче не учатся?—спросил он сторожиху.

— Учатся. А вам кого? Сакенко? Это из пятого класса что-ль? Она на уроке. Присядьте пока.

Сторожиха воткнула спицу в чулок и ушла куда-то за стеклянную дверь. Прохор Данилыч сел на диван. Но ему не сиделось. Его охватило какое-то тягостное чувство, как будто он пришел к зубному врачу рвать зубы.

Он побродил по вестибюлю, подошел к стенгазете и тотчас в глаза ему бросилась Грунька в белой блузке с галстуком. В руках она держала волейбольный мяч и по обыкновению смеялась. Сверху, над Грунькой, Прохор Данилыч прочитал: «Лучшие из лучших», а внизу: «Ударница Аграфена Сакенко»... И дальше не мог прочитать: буквы запрыгали, в ушах зазвенело, загудело, затопало.

Это кончился урок. В вестибюль набежали ребята и уставились на Прохора Данилыча как на слона, пораженные его необычайными размерами. Вбежала Грунька. Увидев отца, она покраснела и вдруг бросилась к нему на шею:

— Папа!

Прохор Данилыч размяк и расчувствовался.

— Ты что же это? А? Совсем отца-то забыла? — сказал он, садясь на диван рядом с Грунькой.

— Да нет... А я на тракторе ездила!

«Экий ветер девчонка! Вся в меня», улыбнулся Прохор Данилыч.

— Это, где ж тебя угораздило?

— А мы вчера в подшефную школу, в колхоз ездили. Как хорошо там! А скоро в лагерь уедем.

И только было они разговорились, как вдруг кто-то крикнул, что какой-то там Вовка ежа притащил. Грунька сорвалась и умчалась с ребятами смотреть ежа. Вскоре вернулась и, сверкая глазами, пустилась рассказывать, какой нос у ежа, какие глаза да колючки, как будто отец ежей не видал.

«Все такая же болтушка», подумал Прохор Данилыч, посматривая на дочь.

— Ну, а ты домой-то когда же? — спросил он. — Знаешь что? — Вдруг пришла ему в голову блестящая мысль. — Ты сейчас отпросись. Скажи, отец, мол, пришел, очень нужно. А мы с тобой — хочешь домой, а хочешь, в зоопарк пойдем, слона поглядим, в буфет зайдем, ситра с тобой выпьем. А? Честное слово! Слон-то похлеще ежа. А ёж, что? Чепуха!

И опять разговор оборвался. В коридоре закричали: «—Сакенко! Сакенко!»—В вестибюль вошел пионер, живо напомнивший Прохору Данилычу ученика теткина мужа, которому он щекотал когда-то свиной щетиной за ухом.

— Ты здесь! Слушай, Сакенко, иди же скорее! Все ждут.

— Иду. А цифры у тебя?

— У меня. Я все подготовил. Скорей!

И ушел. Грунька встала.

— Куда ты? — встревожился Прохор Данилыч. — Да плюнь ты на них! Честное слово! Пойдем лучше слона поглядим, а хочешь — в кино.

— Нет, что ты? У нас собрание сейчас. Я отчет делаю о поездке в колхоз. Мы там большую работу проделали! А Валька что делает?

— Что? — мрачнея, сказал Прохор Данилыч. — Вчера с крыши упал. Всю кожу с морды содрал. Так разукрасился!

Грунька засмеялась, чмокнула отца в небритую щеку и убежала. Прохор Данилыч рванулся было следом за ней и стал у стеклянных дверей, провожая взглядом.

Зазвенел звонок. Через минуту в ушах стало пусто, пусто и в груди. Он повернулся и вышел.

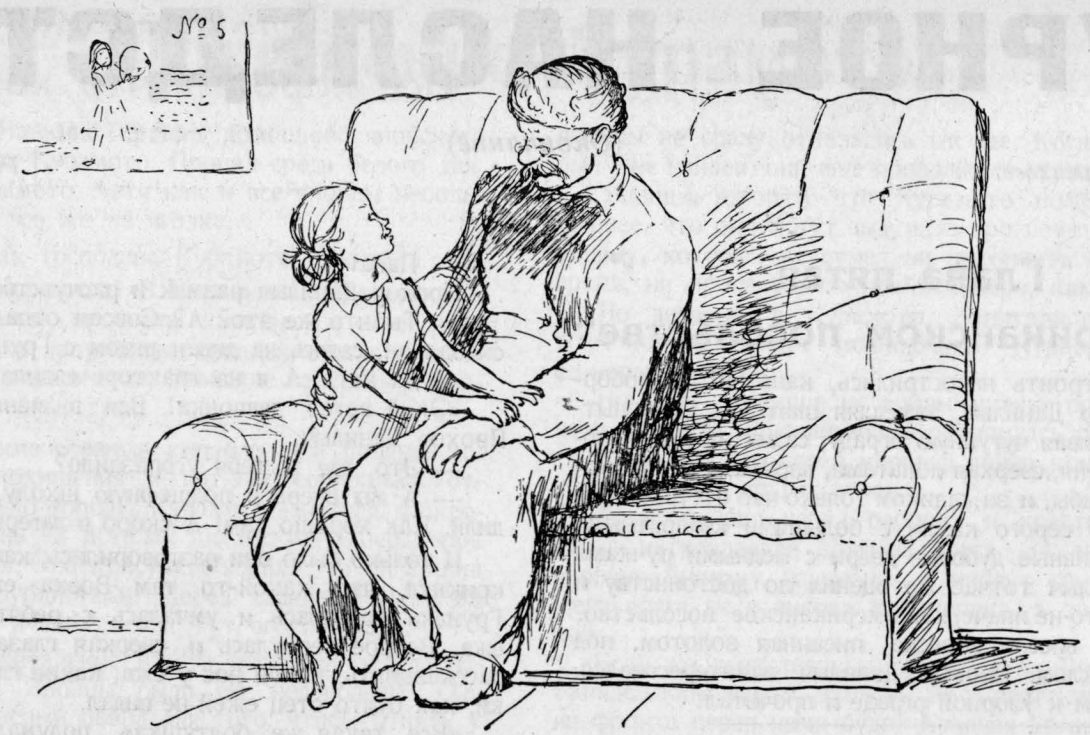
Об этом со всеми подробностями я узнал значительно позже от самого Прохора Данилыча. А в тот день я сидел у себя и ругался:

— Вот старый хрыч! Первый час, а он все еще где-то бродяжит.

Мне надо было сходить по делам, а он приковал меня к месту.

Решив, что он завернул к своим милым дружкам, я надел кепку. Вдруг к окну подошел Прохор Данилыч и забарабанил по стеклу толстыми пальцами. Я открыл форточку.

— Ну как, видели Груньку?



— Ты что же это? А? Совсем отца-то забыла?

— Видел,— как-то нехотя ответил он и махнул рукой.

— Ну как она? Где она живет-то?

— Не знаю... Не спрашивал. Да что! Ей хорошо. Без меня обойдется.

Он облокотился на подоконник и тупо уставился в одну точку.

— Да, жизнь-то не та уж. Это вы верно сказали. Да я-то эту жизнь ушами прохлопал.

Он был так несчастен, что у меня не хватило духу напомнить ему о диване.

Глава шестая

Благие намерения

Я лежал на «Кавказских горах» и думал о Прохоре Данилыче. Где он, и что с ним? Я не видел его несколько дней. Мастерская была на замке, и замок-то уже птицы загадили.

Со двора в открытую форточку залетали ко мне разнообразные звуки: писк воробьев, крики ребят и какое-то гуденье, похожее на звук контрабаса. Я прислушался.

«Странно, неужели это он?»

Не доверяя ушам, я подошел к окну и захохотал, увидев давно знакомую идиллию.

Мастерская Прохора Данилыча была раскрыта настежь. На бревне, у порога, сидели дружки, по-собачьи уставясь носами на Прохора Данилыча. А сам Прохор Данилыч в весьма благодушном настроении вертелся возле верстака, распевая песню. Вот он стал в дверях, уперся могучими дланями в притолоки и сказал, лукаво посмеиваясь:

— А ведь вы зря дожидаетесь, дорогие товарищи!

«Ну, — подумал я, — начинается старая комедия! Скучно, Прохор Данилыч! Честное слово! Но что же это значит? Неужели он залечил свои раны? Что-то скоро уж очень».

— Не пойду я с вами, товарищи. Баста! Клятву дал больше не пить.

— Вот молодец! — сказал букинист. — Это ты в меня пошел. Честное слово! Я тоже раз шел по улице пьяный и двинул плечом какую-то субтильную дамочку. Она как завизжит: «Чтоб ты сдох, окаянный!»—А я ей: «Мадам,—говорю,—для вас с удовольствием бы, да не могу. Клятву дал никогда не умирать».

— Ах, ты, шут гороховый! — засмеялся Прохор Данилыч.—Только это ты зря. Верно, я клятву дал.

— Это кому же, осмелюсь спросить? — тем же шуговским тоном спросил букинист.

— Кому? Груньке.

Смех грянул как из пушки.

— Груньке! — захлебываясь, забормотал букинист и отпустил насчет Груньки острое словечко, но такое грубое, что Прохор Данилыч весь передернулся.

— Что-о? Марш отсюда! — закричал он вдруг страшным голосом. — Слышите? И носа больше не суйте! Не то... Честное слово!

Он схватил за ножку дубовое кресло и, потрясая им в воздухе, шагнул по направлению к дружкам.

Дружки шарахнулись от него и засеменили к воротам. У ворот они пошептались, пустились было в дипломатические переговоры с Прохором Данилычем, но тот твердо повторил свою угрозу, и они ушли с кислыми рожами.

Прохор Данилыч аккуратно сложил свои инструменты в мешок, взвалил на плечи, закрыл мастерскую и бодро зашагал к воротам.

Я не понимал, что творилось теперь у нас во дворе. Я путался в разных догадках, а дело-то оказалось проще, чем я думал. Грунька еще вчера вечером вернулась домой. Прохор Данилыч после долгих разговоров сдал все позиции и свернул на новый путь. Чтобы подкрепить свой «новый путь» делом, он собрал свои фуганки и первый раз в жизни ушел на общественную работу, в школу чинить старые парты.

Когда в тот день я увидел Груньку в новом платье и в новых ботинках, которые на радостях подарил ей Прохор Данилыч, когда я увидел, что она до странности

не изменилась ни в чем, не потеряла ни капли своей жизнерадостности и попрежнему командует ребятами, а ребята ремонтируют «клуп», пришедший без Груньки в упадок, я, конечно, очень обрадовался. Но в то же время мне было и досадно. Я замышлял написать о Груньке и Прохоре Данилыче рассказ, вроде «Станционного смотрителя». А Грунька своим возвращением все погубила.

В самом деле, кто же это станет читать рассказ с таким обычным сюжетом? Отец — пьяница, а дочь — пионерка. Дочь ушла от отца и вернулась. Отец сгоряча дал клятву не пить и, конечно, через неделю нарежется самым свинским образом. Я не верил клятвам старого пьяницы и был прав.

Дней пять спустя, вечером, во время прогулки, неподалеку от Зоологического парка, я обратил внимание на толпу возле кооператива. Толпа рвалась к дверям и галдела. А у самых дверей происходило какое-то странное смятение, вроде драки. Я заинтересовался и присоединился к толпе. И что же я увидел? В дверях кооператива стоял Прохор Данилыч пьяный, и посматривая озорными глазами на возмущенных пьяниц, кричал: «Баста! Пить не полагается! Слышите? Грунька не велит!»

Пьяницы рвались в дверь, но он их отшвыривал с удивительной легкостью. Вдруг из толпы вышел здоровенный верзила, должно быть, ломовой извозчик, в брезентовом плаще и, раздвинув пьяниц, деловито направился прямо к Прохору Данилычу.

— А ну-ка! Посторонись, товарищ!

— Х-ха! Ишь ты какой! Нельзя пить. Не велено.

Верзила со всей силой ринулся на Прохора Данилыча, но тот хватил его в грудь, и он отлетел как соломенное чучело. Пьяницы завопили и во главе с верзилой набросились на Прохора Данилыча. Начались свалка и всеобщий галдеж. Какой-то старичок в шляпе суетился возле меня и нервно выкрикивал: «Да куда вы? Бросьте! Это же циркач! Он вас всех изуродует!»

Схватка кончилась победой Прохора Данилыча. Пьяницы отступили, а верзила скрылся куда-то с позором.

— Ну что же вы? Сдрейфили? — сказал Прохор Данилыч, уставясь страшным звериным взглядом на пьяниц, вытиравших взмокшие лбы.

И вдруг послышался резкий взволнованный голос:

— Пустите! Пустите!

— Да куда ты, дуреха! Там пьяный буянит. А ты...

— Пустите!

Это кричала Грунька, протискиваясь сквозь толпу

— Ты опять! — закричала она, подбегая к отцу, и голос ее оборвался от слез, подступивших к горлу. Прохор Данилыч шарахнулся в дверь, хотел улизнуть в магазин, но продавцы навалились на дверь изнутри и не пустили его.

Грунька заплакала, закрылась руками и пустилась бежать. Прохор Данилыч скрипнул зубами и пошел, опустив голову, как пес за хозяином. Милиционер преградил ему путь. Но Прохор Данилыч как-то машинально отстранил его и пошел дальше. Милиционер вынул свисток, но старичок в шляпе дернул его за рукав:

— Бросьте! Это же циркач.

Милиционер посмотрел на него и приказал расходиться.

Глава седьмая

Все хорошо, что хорошо кончается

На другой день я уехал в дом отдыха, недавно построенный в великолепном сосновом бору над речкой с крутыми песчаными берегами. Целый месяц я наслаждался живописной природой, купаньем, катаньем на лодках и сном. После моего дивана простая железная кровать с тюфяком мне казалась блаженством. Бока ничто не давило, и я за весь месяц ни разу не вспомнил о тетушке.

О Груньке и Прохоре Данилыче вспоминал и даже однажды после ужина, сидя на веранде с кампанией отдыхающих, рассказал от нечего делать их семейную историю. Меня слушали с большим интересом и, когда я кончил, спросили:

— А чем же все это кончилось?

Этого я и сам не знал и предложил закончить по своему усмотрению. Началась забавная игра в сочинительство наиболее вероятных и правдоподобных концов.

Одни полагали, что Грунька после безобразной драки опять сбежит от отца, а отец с горя сопьется. Другие уверяли, что все это образуется и придет в равновесие. Грунька побунтует, а потом и смирится. Мало ли семей живет в таком же разладе. Третьи доказывали, что Прохор Данилыч непременно исправится и войдет в новую жизнь, потому что у него есть к тому все основания. Во-первых, он не лишен благих намерений, во-вторых, он не дошел еще до полного свинства как его дружки, а самое главное, что его может спасти,— это его сильное отцовское чувство.

— Ха! Отцовское чувство! — засмеялся один из отдыхающих. — Чепуха это все! Не отцовское чувство спасает. И вы, должно быть, понятия не имеете, что такое мастеровщина. Это ужасное наследство! Вот если бы он закрыл свою лавочку да поступил в Мосдрев на фабрику, вошел бы в крепкую рабочую среду, другое бы дело. Но предложите ему. Разве он пойдет? Никогда! А все-таки интересно, чем это кончится. Слушайте, напишите нам из Москвы.

Я обещал, и мы разошлись по комнатам спать. Вскоре я уехал в Москву.

«Ну, что-то у нас? Какие перемены?» думал я, подходя к дому.

Вошел во двор — все попрежнему. Все так же пищат воробьи и закат трепещет на окнах. Даже Прохор Данилыч возится в своей мастерской.

Вошел в комнату, посмотрел на «диванец» и опять вселилась в меня проклятая мечта покойницы-тетушки. Пока я умывался, переодевался с дороги и пил чай, она заполонила все мои помыслы и до того опостылела, что мне стало тошно.

— Да ну его к чорту, это старье! — закричал я в бешенстве и, не долго думая, схватил «диванец» и поволок его во двор к мастерской Прохора Данилыча. А она, как назло, опять на замке. Я бросил диван посреди двора и пошел к Прохору Данилычу во флигель.

В коридоре меня озадачил странный шум, доносившийся из комнаты Прохора Данилыча, какая-то возня, грохот стульев, словно слепой или пьяный бродил по комнате, натыкаясь на домашнюю утварь.

Я постучался—не открывают. Еще раз—все то же.

Тогда я сам открыл дверь и попал в об'ятия Прохора Данилыча.

— Ага! Попался! — торжествующе закричал он в самое ухо. Глаза у него были завязаны пестрым плат-

ком. Но вот он сдернул платок и отшатнулся: — Ох! Извините!

Раздался дружный смех ребятишек. Из-под стола, из-за шкафа, из всех закоулков вылезли Грунька, Валька и три незнакомые мне пионерки. Они посмотрели на меня, на Прохора Данилыча, переглянулись и опять залились таким веселым смехом.

— Вот насмешницы! — засмеялся Прохор Данилыч.—Да тише вы! А лучше всего пойдемте в коридорчик.

Он взял меня под руку, и мы вышли в коридор.

— Прохор Данилыч, а я ведь диван чинить притащил.

— Ну уж это вы зря,— засмеялся он.

— Да не сейчас, а когда сможете.

— Да все равно зря. Я ведь не занимаюсь теперь. Баста! Я теперь в Мосдреве на фабрике работаю.

— Да что вы!

— Честное слово! Грунька давно ко мне приставала. А мне не хотелось. Думал, это ее в школе подзуживают. А потом, думаю, чем я рискую? И сейчас даже очень доволен. Мастером числюсь.

Я от души поздравил Прохора Данилыча.

— Все это хорошо! Но что же мне с диваном-то делать?

— Уж и не знаю. Наднях тоже привалил ко мне какой-то длинноволосый и говорит: «Прохор Диваныч, нельзя ли мой данильчик починить?» Такой чудак! Ушел и так на меня рассердился.

У меня тоже, конечно, были все основания рассердиться и жестоко распушить Прохора Данилыча, но я не рассердился. Наоборот. Мне стало вдруг весело. Я крепко пожал ему руку и вышел, остановился посреди двора перед диваном, на котором уже спали коты и задумался:

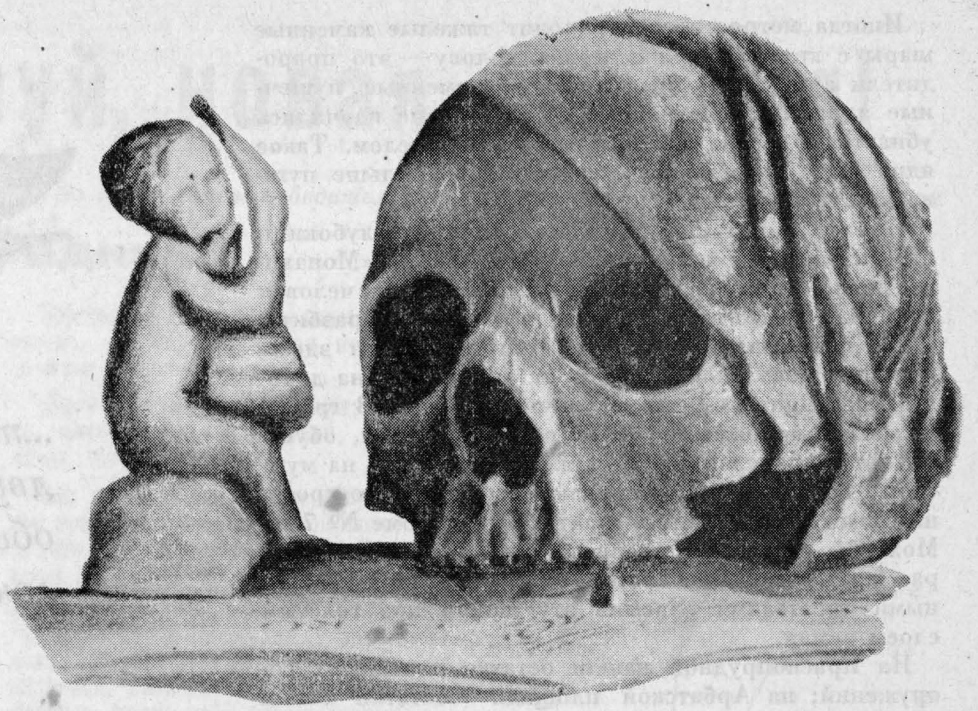
«Что же с ним делать? Оставить здесь на радость котам, но завтра же утром ребятишки утащат его в «клуп», и он отравит им все существование.

Мне жалко стало ребят. Я взял да и сунул диван в сарай, в котором зимой у меня хранились дрова. Пришел домой и подумал: «Как хорошо! Теперь в комнате чище, да и в голове одной никчемной мыслью меньше».

В тот же вечер я сел за стол, взял бумагу, перо и чернила и начал писать:

«Глава первая

Мечта по наследству».



Иногда сохраняется чепец на женском черепе.

Степан Злобин

ПОДЗЕМНЫЕ НАХОДКИ

«Здесь никогда не ступала нога человека», — думает путешественник, открыватель островов или победитель горных вершин. Он гордится тем, что *первый* высек лопатой уступ в снегу, чтобы взойти на вершину хребта, или первый пристал к берегу неизвестного острова.

«Здесь никогда не ступала нога человека!!!» — может сказать московский комсомолец, забойщик, проходя пласт за пластом на постройке метро. Каждую минуту пневматические молотки отваливают породу, глыбу за глыбой, каждый миг ставит забойщик ногу на девственную землю.

И вдруг здесь, где «никогда не ступала нога человека», он встречает осыпанные временем постройки, следы людского жилища, старые колодцы, подземные ходы, утварь, посуду, оружие.

Ученые-археологи во многих местах земли нарочно производят раскопки, чтобы находить следы человеческого быта, а когда под землей ведется огромное строительство, эти находки сами идут в руки.

Они лежали здесь много столетий. Каждая вещь, найденная в земле, могла бы рассказать немало интересного.

Вот осколки посуды, вот черенок косы, клинок шпаги, изразец для облицовки печи. Коса и шпага проржавели, но изразец цел. Он сохранил даже яркие краски: коричневую, зеленую, синюю. В центре его, на голубом поле, красуется коричневый лев с хвостом крючком, странный лев—старинных русских орнаментов. Ему три—четыре столетия. Под кремлевской стеной, в бывшем крепостном рву, найдены башмаки, их, пожалуй, можно бы было еще отдать в починку, так они сохранились, а им тоже около трех столетий.

В музеях сохранились до сих пор предметы роскоши: красивые вазы, фарфоровые расписные чашки, те предметы, которые люди берегли как ценность. Такие вещи хранятся в музеях и до сих пор.

Однако была и другая посуда: глиняные кувшины, корчаги, бытовые медные и железные ковшики, вещи, которые не были украшениями, а повседневно служили человеку. Их никто не берег: глиняные разбивались и выбрасывались, железные и медные отдавали за грош старьевщику, от него же попадали к кузнецу и теряли свой облик. От этих вещей в музеях были только бледные следы, их заботливо склеивали из осколков, а то, чего не хватало, дорисовывали воображением... Лучшим хранилищем для таких вещей оказались колодцы. На метро открыли немало таких старых, заброшенных колодцев.

Какая-то кумушка XVI—XVII столетия заболталась с приятельницей у колодца и уронила, утопила кувшин; девушка загляделась на красивого молодца и выпустила кувшин из рук; наклонился к воде военный человек — шпага выскользнула из ножен в воду, — поди достань!

Полтора—два десятка ковшиков и глиняных кувшинов извлекли из колодцев... Там же найден топор. верно, кололи дрова возле колодца, положили на сруб, а кто-то задел и свалил его в воду; а вот боевой топор, может быть, убегая от преследователей, вооруженный человек бросил его по пути в колодец, чтобы не было улик, или крепостной слуга, ударив по черепу свирепого господина, спустил в колодец топор, чтобы не осталось кровавых следов. Как знать! Жаль, что вещи не могут разговаривать.

Иногда метростроевец находит тяжелые каменные шары с крупную человеческую голову — это прародители артиллерийских снарядов, каменные пушечные ядра. В XVI столетии люди еще не научились убивать по сотне человек одним выстрелом. Такое ядро было безобидной игрушкой: оно больше пугало врага, чем уничтожало его.

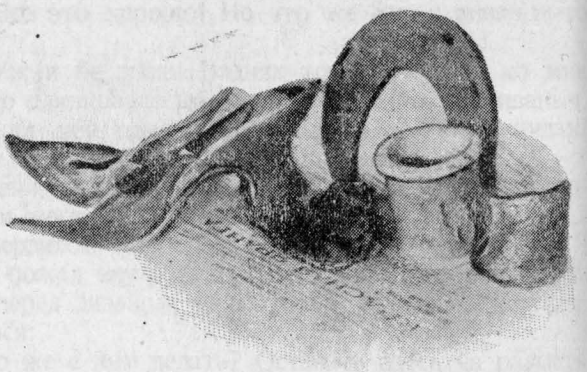
Немало попадается могильных плит с глубокими надписями в камнях старинным письмом: «Монахиня, дочь белозерского выходца»; «крепостной человек боярина такого-то»... Иной раз плита разбита: «Убиен... Василий...» Кто-то был похоронен здесь, умерший невольной смертью от разбойника на дороге, при защите города, в уличной драке... В гробах под плитами бывают целы остатки платья, обуви, иногда сохранялся чепец на женском черепе, на мужском—борода, усы... встречаются монеты, построечные сваи, искусственные плиты. Так, в доме № 7 по Моховой удалось установить место «Опричного двора» по насыпи из белого песка, описанной старинными писателями. Насыпь эту нашли под толстым слоем земли.

На Краснопрудной нашли остатки плотинных сооружений; на Арбатской площади — остатки стены «Белого города», когда-то окружавшей Москву по бульварному кольцу. Стена эта была срыта около двух столетий назад...

Чем ближе к центру, чем дольше жили люди на месте раскопки, тем больше находок дает Метрострой.

Почему же, однако, вещи, которые были утеряны на поверхности, вдруг оказываются глубоко под землей? Почему на глубине 12—15—25 м находится могильная плита? Ведь она должна лежать наверху! Ученые об'ясняют это так: в местах, где живет много людей, быстро нарастает так называемый «культурный слой» почвы. Он создается из мусора, отбросов; он стекает по дорогам с высоких мест в низины, особенно на немощеных улицах и площадях городов. Некоторые ученые об'ясняют это еще и оседанием почвы...

Как бы то ни было, находки метро помогают при помощи вещей заглянуть в жизнь прошлого. Самые старинные находки метро, относящиеся к XV столетию, это жернов и огромный глиняный сосуд, найдены на Остоженке. Каждый пионер без помощи ученых-археологов может определить возраст таких находок, как офицерская шашка с монограммой Николая II и винтовочные патроны нового образца, зарытые в землю. Пожалуй, любой школьник сможет сказать, кто и зачем оставил в наследство Метрострою эти исторические памятники погибшей контрреволюции.



...туфли, которым около двухсот лет, подкова необычного вида, чашка, осколок склянки, потерявшей прозрачность.

...расписные изразцы голландской печки, подсвечники, разбитая свистулька в виде голубка.

Здравствуй, новая деревня!

Очерк Б. Ивантера *Из книги „Слет победителей“* *Рисунки А. Брея*

Речь огородника

У огородника Новоселова щеку раздуло флюсом. Он очень волновался. Сегодня ему выступать на XVII партс'езде от всех колхозников Московской области. Это не у себя в колхозе выступать, а ну, как не выйдет ничего! Еще в автобусе, по дороге в Кремль, он просил, чтобы выделили другого, но колхозная делегация не соглашалась. Так и приехал с флюсом, чорт бы его побрал.

Колхозники вошли во дворец. Их провели в президиум, и они уселись на скамье для гостей. Новоселов стал рассматривать людей в президиуме, узнавая многих, кого помнил по портретам. Узнал Кагановича: широкоплечий, большого роста. Хорошо разглядел Молотова: совсем как на портрете. Потом увидел Сталина, который ему показался худощавым. У Сталина было хорошее настроение. Он ходил среди делегатов с трубкой в зубах и улыбался. К одному делегату наклонится и поговорит, потом к другому.

Новоселов глядел в оба глаза. Только иногда, вдруг вспоминая про флюс, начинал волноваться.

Вдруг председатель сказал: «Слово от колхозников Московской области имеет тов. Новоселов».

Как только Новоселов переступил порог трибуны, раздался такой гром, что у него в глазах потемнело: «Все, кто были в зале, больше тысячи людей, все встали и ударили приветствия»,—рассказывал потом Новоселов. Рядом с ним стал другой колхозник Маркин, со знаменем. Развернул знамя... гром еще сильнее, прямо небо раскалывается.

Новоселов забыл о своем флюсе. От такого грома дай только с мыслями собраться.

Когда гром приветствий затих, он, собравшись с мыслями, сказал все, что задумал. А задумал он рассказать, как советская власть переделала Новодеревенский район, из которого он приехал.

Из лаптей хромовые сапоги

Начал он с того, как развели в «Новой деревне» арбузы.

— Лично надо мной много смеялись, говорили: «Нешто это мыслимо: ведь арбуз здесь никогда не родился». Ладно, смейтесь, советская власть из лаптей делает хромовые сапоги!

В этом месте с'езд прервал Новоселова — делегаты шумно и весело захлопали ему.

На земле Новодеревенского района до колхозов, до политотдела МТС не то что арбуз, на ней и пшеница никогда не родилась. Ходило такое мнение, что в этой полосе для пшеницы белое пятно. На этой полосе чернозема никогда не колосилась пшеница и никогда не будет, говорили некоторые агрономы, когда в колхозах собирались ее сеять.

— Ее ждет,—пугали колхозников,— страшная гессенская муха. Эта муха похожа на рыже-бурого комарика. Каждая муха откладывает на всходах пшеницы от тридцати трех до четырехсот семидесяти яичек. Из них выходят прожорливые личинки. Они об'едают молодое растение. Оно припухает, перестает расти, потом желтеет и погибает.

— Ее ждет заразная болезнь—головня. Она смертельно обжигает пшеницу. От этой болезни колосья меняют свою форму и обугливаются. От головни погибают миллионы пудов хлеба, она прилипчива к пшенице. А если посевам посчастливится, если уцелеют они и от гессенской мухи, сохранятся от головни, то все равно погибнут от мороза. Озимая пшеница во всяком случае вымерзнет в суровую рязанскую зиму.

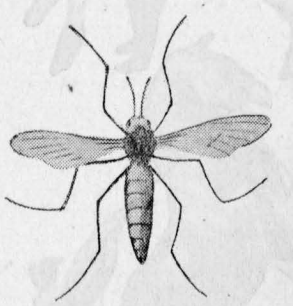
Но агрономы МТС и колхозники не испугались гессенской мухи. Они выбрали для посева особую, **«твердую»** пшеницу, они точно выбрали и время сева, а есть такое безопасное время, когда муха не страшна. Они выбрали лучшую землю. С осени еще вспахали ее и хорошо унавозили. Колхозники обошли гессенскую муху с тыла. Перед посевом протравили семена пшеницы ядовитыми для грибков головни веществами. Они со всех сторон обезопасили посевы.

Озимая пшеница должна перезимовать в поле. Но зимовка опасна: в бесснежную зиму посевы озимых вымерзают. Украинский агроном Лысенко изобрел способ, при котором озимь созревает в тот же год. Этот способ применяют в Новой деревне. Семенам пшеницы устраивают искусственную зиму. Их помещают на некоторое время в снег. Это называется яровизацией пшеницы.

Яровизированная пшеница, посеянная весной, принесла двойной урожай.

В районе был плохой скот, потому что в районе не было лугов. Лугов нет, значит, их надо завести. И в районе выросли искусственные пастбища. Колхозники, по указаниям МТС, засеяли поля кормовыми травами: донником, клевером. Поля стали засевать кормовой капустой и топинамбуром — земляной грушей, и ботва и клубни которого идут на корм скоту.

Стали сеять сою — растение, которое дает прекрасный корм. Из сои мож-



но делать творог, соевое молоко, конфеты и даже котлеты.

С десяток новых растений появилось в районе с колхозами, политотделами и МТС.

Политотдел и колхозы перевели Новую деревню из широты бывшей Рязанской губернии в какую-то другую широту, где растут пшеница и соя, где вызревают арбузы и дыни, где коровы досыта едят питательный донник и невиданный топинамбур. Здесь обработанные по-новому поля дают урожаи, необычные для прежней географической широты.

Об этом рассказывал Новоселов на с'езде.

Колхозы переделали землю, а ведь у нас не один Новодеревенский район, а тысячи таких районов.

Парад коров и лошадей

Ворота в большом сарае машинно-тракторной станции были открыты настежь с обеих сторон. Обычно здесь был тракторный гараж-конюшня на тридцать пять механических лошадей. Сегодня механические лошади, фыркая, вышли из сарая и уступили место живым. Но здесь были не только лошади. В наспех сбитых загородках стояли быки, коровы, овцы, телята, в одной лежала необыкновенно большая белая свинья, в других бегали поросята. Куры тоже были в сарае.

Раньше всех на выставку явились именинники: конюхи, доярки и телятницы со своими рогатыми и хвостатыми воспитанниками. Каких молодцов они привели! Некоторые были такие буйные, что их в загородке привязывали к двум столбам: справа и слева. Тогда они не метались, а только яростно били в землю копытами.

Из одного колхоза привели очень сердитого жеребца породы Брабансон, большого как автобус. Это был отец многих колхозных жеребят, которых тоже привели на выставку. Они бегали за стенами сарая около своих матерей. Матери — беспородные крестьянские лошади, но в жеребятах видна отцовская, бельгийская порода. Все с уважением смотрели на «бельгийца» передавшего колхозным жеребятам свою широкую грудь, крепкие мускулы и огромную силу.

В стойле, рядом, стоял беспокойный бык Мишка. Настоящий испанец! Он выглядел так, будто вот-вот выскочит на арену и помчится прямо на торреадора, который дразнит его красным плащом.

Напротив стояла неказистая коровенка кличкой «Ласточка»: плакат над ней говорил, что она дает 2500 литров молока в год. Это районная чемпионка по молоку. На столбе висел портрет ее доярки, колхозницы Гонцовой. Конечно, «Ласточке» далеко до всесоюзной рекордистки; ивановской коровы «Золотой». «Золотая» дает ни больше, ни меньше как девять тысяч литров в год, больше чем три «Ласточки» и столько, сколько восемь — десять простых новодеревенских колхозных коров,—целое стадо на четырех ногах.

Но колхозные коровы не знают про «Золотую». Их доярки тянутся за Гонцовой. Всем хорошо известно, что дело не только в корове, но и в доярке, которая ухаживает за ней.

Пять телочек на выставке — это телочки последних бескоровников колхоза «Прожектор». Теперь в нем нет уже людей такого звания. Поэтому портрет его председателя висит на почетном месте.

В «Новой деревне» было много бескоровных колхозников. Некоторые, по советам кулаков, порезали своих коров перед коллективизацией, у других, бедняков, и сроду не было.

— Уж мы, большевики, постараемся, чтобы у каждого колхозника было по корове,— сказал Сталин на колхозном с'езде.

В «Новой деревне» политотдел поручил всем колхозам наделить телками бескоровных колхозников. Колхоз «Прожектор» первым выполнил это поручение. Он купил телочек у своих колхозников и по очень дешовой цене отдал бескоровным. Двести телок получили бескоровные новодеревенские колхозники. Теперь осталось только следить за тем, чтобы из них выросло двести хороших коров.

К выставке был выпущен номер политотдельской «Молотилки». На первой странице, в рамке, был помещен большой рисунок. На рисунке были очень смешно нарисованы свинья, кролик, утки, еще какие-то птицы и несколько коров. Одна из коров с венком на шее стояла на задних ногах, а в передних держала большую доску. На доске было написано большими буквами:

«БЛАГОДАРИМ ПЕРЕДОВИКОВ, ОРГАНИЗАТОРОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЖИВОТНОВОДСТВА: МАРЯХИНА КУЯЧКОВА, МАКСИМОВУ, КРЯЧКОВУ».

К 12 часам в сарае стало тесно. А колхозники все приезжали и приезжали по всем дорогам, со всех сторон. Приезжали все лучшие ударники, со значками на груди. На значках портрет Кагановича. Люди со значками — отличившиеся участники похода им. Кагановича за высокий урожай.

На слете было весело. Играли гармошки. Их было тридцать или сорок. Ни один колхоз не приехал без гармошки. Они играли все сразу, так что складной музыки не получалось. Девушки пели частушки. Ударницы одного колхоза смотрели, как пляшут ударницы другого.

Потом на площадку выехал грузовик со столом для председателя и микрофо-

ном для ораторов, чтобы их слышали во всех деревнях. Тысяча, а может быть и больше, колхозников окружили грузовик. На платформу по очереди взбирались политотдельцы, председатели краснознаменных колхозов и ударники. На грузовик не так легко взобраться, особенно женщинам и старикам. Им подавали руки, они, красные от усилий и смущения, принимали премии: велосипеды, часы, костюмы—и говорили ответные речи.

А потом начался парад. Перед начальником политотдела, между двух рядов колхозников, проводили лучших жеребцов. Они ржали, становились надыбы и били задом, так что зрители шарахались. Конюхи с двух сторон их еле удерживали. Весело пробежали сосунки-коняшки за своими матерями, протащили свирепых быков, за ними шли лучшие коровы. Под хохот и веселую музыку оркестра семенили поросята и медленно шла белая английская свинья.

Нужно сознаться, что в параде не было большой стройности. Из-за оркестра. Это был какой-то странный оркестр. Когда шла колхозная кавалерия, буйные жеребцы,—тут бы музыке. Оркестр молчал. Как только жеребцы прошли, он заиграл бодрый марш. Только показались быки из сарая — он опять замолчал, они прошли — он снова дернул. Кур провезли под музыку «По долинам, по загорьям», и ее прервали на какой-то не той ноте. Получилось, что парад сам по себе, оркестр тоже сам по себе. Только один раз оркестр попал в точку, когда шли поросята. Они оценили его внимание и шли в такт.

Но парад и без оркестра был внушителен. На партийном с'езде тов. Сталин сказал, что 1934 год должен и может стать годом перелома в под'еме в животноводческом хозяйстве. Выставка подтверждала его слова.

Машина для блинов

Партия сказала, что нужно сделать всех колхозников зажиточными. Но нашлись такие люди, которые возражали.

— Ежели все станут зажиточными,— говорили они,—то беднота перестанет существовать. На кого же будут опираться большевики? Кого они будут защищать? Зажиточных? Да ведь зажиточными были только кулаки! Караул! Большевики хотят превратить колхозников в кулаков!

Эти путаники думали, что без существования бедноты немыслимы ни большевистская работа, ни социализм.

На с'езде тов. Сталин очень издевался над этими «умниками».

— Это такая глупость,—сказал он,— о которой неловко даже говорить. Ленинцы опираются на бедноту, когда есть капиталисты, которые ее эксплоатируют. Когда мы разгромили кулаков, мы не должны сохранять бедность, а уничтожить ее и поднять бедноту до зажиточной жизни. Мы идем к социализму, к зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Завхоз колхоза им. Яковлева того же района рассказал забавный случай, который произошел с ним. Он говорил с одной единоличницей о колхозе. Та спрашивает у него:

— А можно ли будет в колхозе блины есть?

— Почему же нет? С полным удовольствием.

— Да,— возражает женщина,— на колхоз, небось, много блинов надо. Как их напечешь сразу столько?

— А что же,— отвечает завхоз,— машину такую устроят для блинов. В обыкновенную русскую печь проведут цепь. К ней приделают ручку, чтобы двигать можно было эту цепь. К цепи приделают сковороды. Разожгут в печи огонь, нальют на сковороды блинное тесто и давай крутить ручку. Цепь пойдет, и блины начнут печься,— только снимай.

Завхоз сказал это в шутку, но баба заинтересовалась.

— А ну, подгорать будут?

— Тогда быстрей крутить. А сырые будут,— медленно крути.

Засмеялись, позвали кузнеца. Кузнец серьезно выслушал проект.

— Можно такую соорудить?

— Отчего же,— говорит,—вполне. Было бы что печь.

Прошло пять лет. Много машин появилось в колхозах: тракторы, жнейки, триеры, молотилки, но блинной машины до сих пор нет.

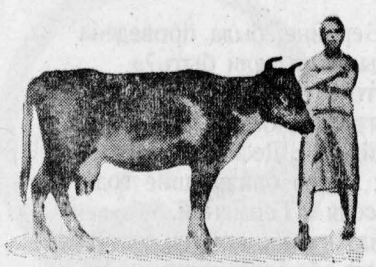
Перед самыми Октябрьскими днями вышла политотдельская газета «Молотилка». Ее передовая статья кончалась так:

— Товарищи-колхозники! Встретим Октябрь колхозными блинами, молоком и маслом. Зовите на колхозные блины и единоличников.

На призыв газеты через два дня первым откликнулся колхоз «Победа».

«Октябрьскую годовщину,— писала в ответ «Победа»,— празднуем торжественно и всем колхозом едим блины с маслом и молоком».

Так «Новая деревня» начинает зажиточную жизнь. Если Новоселову через несколько лет приведется еще раз выступить на партийном с'езде, кто знает, может быть, он расскажет о машине для блинов, может быть, и в самом деле ее построит какой-нибудь изобретатель-механик в мастерских Новодеревенской МТС.



I страница необыкновенного Тут-Итама АВГУСТ 1934

Кто знает больше?

Говорят, — не знаем насколько это верно,—что челюскинцы, когда были на льдине, убили белую медведицу. У медведицы было двое медвежат. Челюскинцы их воспитали и привезли в Москву.

В Москве в Зоопарке полярные медвежата встретились с бурыми мишками, родившимися в Москве. И сразу же заспорили.

— Дикари! Вы на полюсе родились, — сказали московские мишки.— Только тюленей и видели. И сами-то вы как тюлени. И ничего вы не знаете!

— То есть как это ничего не знаем?

— Да так! Автомобили «ЗИС» вы когда-нибудь видели?

— Нет.

— А на вас люди смотреть приходили?

— Нет.

— А троллейбус видели?

— Нет.

— А стратостат видели?

— Нет.

— А Метрострой видели?

— Нет! — обозлились полярные мишки. — Вы сами ничего не знаете. Вы только по деревьям лазить да кувыркаться умеете! А вы капитана Воронина видели? А в палатках когда-нибудь жили? А доклад Шмидта о международном положении слушали? А с Молоковым на самолете «Р-5» в Ванкарем из лагеря Шмидта летали?

— Нет! — обозлились московские мишки. — А все-таки мы больше вашего знаем!

— Нет, мы больше вашего знаем! Кто же из них больше видел и знает?

Кем хочет быть Ганс

Недавно в одной школе, в Берлине, была проведена анкета среди учеников «Кем бы вы хотели быть?»

Двадцать детей ответили, что хотят быть полицейскими, потому что они не хотят быть безработными, а для шуцманов работа всегда найдется. Десять написали, что хотят быть военными, так как в ближайшие годы это будет самая деловая профессия в Германии.

И только мальчик Ганс Шмидт ответил очень странно. Он хочет быть председателем общества слепых. На вопрос учителя, почему, Ганс сказал: «Слепые — самые счастливые люди в Германии. Они не видят того, что происходит».

— Неплохо быть и глухонемым, — добавил он. — Они могут не слушать того, о чем теперь говорят, и не рискуют попасть в тюрьму за неосторожные слова

Ганса исключили из школы.

Знакомые следы

— Здесь Федька проходил: по следам видать...

— На земле ничего не видно...

— Чудак, ты на стены смотри: все стены исписаны!

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

(Сценка в школе)

— Смотри, Мишка снова вырезает на парте свою фамилию. Надо его остановить!

— Не смей! Мне нужен материал для стенгазеты!

Модельный активист

— У нас в лагере есть модельный кружок. Вот здорово работает!

— А как туда пройти?

— Право, не знаю!

Кто из двух

Миша Клецкин шел дозором,
Шел разведчиком лихим...
Двигал Миша темным бором,
Был Мишук неутомим.
Вдруг он стал, тревоги полон:
Впереди — блестит река,
Высоко вздымает волны,
Глубока и широка.
Ширина в ней — две калони,
Десять пальцев — глубина!
Мишкин взор в речушке тонет,
Не нащупывая дна.
А вокруг — хотя бы кладка,
Хоть бы жалкий переход!..

Но Мишук блеснул догадкой
И сигналы подает.
Шел сигнал сквозь цепь дозоров
И пришел на дальний пост:
«Шлите срочно понтонеров —
Навести понтонный мост!..»
Передал сигнал Мишуха
(Разве долго передать!)
И у берега, где сухо,
Сел спокойно выжидать...
Вдруг он вилит, как ворона —
В самом центре мощных вод —
Не желая ждать понтона, —
Потихоньку воду пьет.

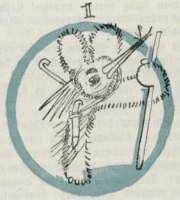
Но Мишук не шевелится:
— Пусть саперы далеки,
Подожду, покамест птица
Не осушит всей реки!
И вблизи речного лона
Он глядит по сторонам...
Кто из них двоих ворона?
Угадать нетрудно нам!

ДЕКА.

Тут-Итам—следопыт

Начиная с этого номера журнала, „Тут-Итам" будет выходить регулярно. Присылайте в редакцию письма и материалы для „Странички Тут-Итама".

Посылайте ваши предложения. На конверте добавляйте: „для ТУТ-ИТАМА".



1.—Вот вы, ребята, — сказал Тут-Итам,—книжки читаете, доклады делать умеете, а зверя по следам можете выследить? Нет? Так я вас сейчас научу, как это делается. Идемте!

2.—Смотрите,—сказал он, — это, безусловно, следы мамонта. Давайте искать его логово.

3. Долго шли по следам следопыты. Вдруг следы изменились.

— Что за чушь!—сказал Тут-Итам,—это не мамонт. Это, несомненно, следы слона.

4. По следам следопыты зашли в неведомые дебри. Вдруг и эти следы изменились. Тут-Итам не смутился:

— Неважно, вперед! Это чернобурая лисица. Сейчас мы ее выследим.

5. По дороге их застигла гроза. Но хитрый Тут-Итам раскрыл зонтик, и следопыты благополучно отсиделись под ним.

6. Ливень смыл следы чернобурой лисицы, но Тут-Итам быстро нашел новые.

— Это,—сказал он,—страус. Узнаю его лапу. Вперед!

7. Так шли они долго в погоне за перьями долговязой птицы.

— Стой!—крикнул Тут-Итам. внезапно остановившись.—Ведь рядом следы соболя. Вот повезло! Еще немного—и мы у цели.

8. Наконец они достигли цели. На цепи сидела собака, а рядом с ней переминался с лапы на лапу гусь.

— Странно, — сказал Тут-Итам, — почему это соболя держат на цепи, а у страуса такое жидкое оперение?..

ЛАГЕРЬ НА ВОКШЕ

(*Продолжение*)

Г. Замчалов *Рис. П. Кузмичева*

VI

В столовой все было как всегда: звон тарелок, короткие разговоры вполголоса, смешки. Но ребята были совсем необыкновенные. Они почему-то сами, без всякой просьбы, пододвигали Степе хлеб, подавали упавшую ложку, сами попросили за него у дежурных добавки. Разговаривали с ним ласково и предупредительно, как с больным. Что это с ними?

Степа понял, что его решили исключить всерьез, по-настоящему.

— Ты думаешь, я сколько-нибудь жалею, да? Ничуть.

— Я думаю, ты врешь, — сказал Федя серьезно, подумав.

— Вру, да? Вот, честное слово. По крайней мере никаких режимов не будет. Сейчас мы все равно, что мухи на вожжах: туда нельзя, сюда, нет, стоп! Ты пионер. Это плохо, то не полагается, тьфу! А дома: отец приходит в девять да в десять вечера, мать для меня — что ты. Целый день хоть сам на себя плюй, никто ничего не скажет. Куда хочешь иди, чего хочешь...

— Спать идите, вот куда. Ну, живей, живей!

— Ах, это ты, Костя? А я на тебя чуть не наступил.

Степа сказал это с таким уничтожающим презрением, что Костя упал со смеху.

— Ой, да и здорово! Вот сказал, так сказал!

Начался мертвый час. Степа минут десять полежал, потом встал и тихонько подошел к фединой кровати.

— Федя, а, Федя! (шопотом).

Не слышит. Простыня высоко подымается и опускается.

— Федя, а как же с «тем»?

Молчание. Простыня все так же подымается.

— Федя, я с собой все заберу.

Встает и испуганно хлопает глазами. Потом, будто снова засыпая:

— Ну, забирай!

— Я пойду сейчас, выкопаю.

Опять встает и быстро надевает трусы.

— Постой, я лучше тебе помогу.

— Зачем? Я бы сам мог.

— Ну вот! Что мы не товарищи с тобой, да? Знаешь? Давай лучше я вперед пойду, а ты немножко после, чтобы не заметили.

— Тогда я лучше. Ты еще трусов не натянул.

— Где? Смотри, все готово. Ну, ладно, давай вместе.

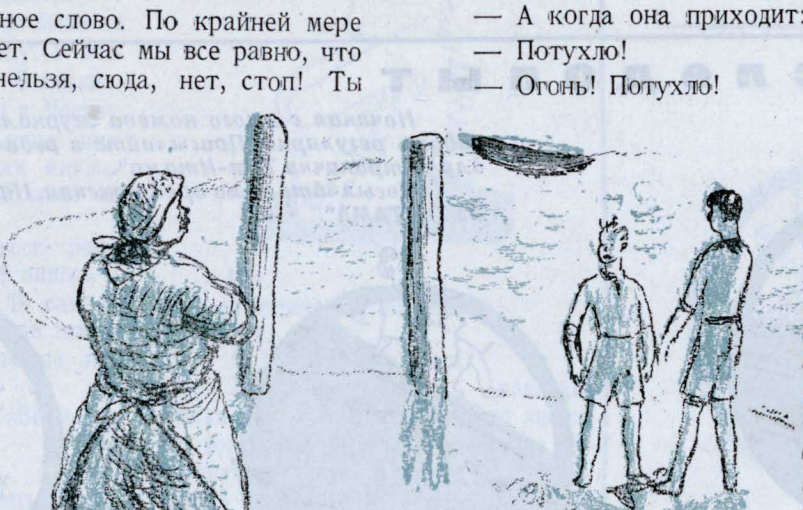
Далеко, в «неведомых» странах: за корпусами, за уборной, за сеновалом, на берегу тихого залива стоят два огрызка гнилых столбов — остатки бывшей когда-то генеральской бани. В один из них вбит маленький деревянный гвоздик. От этого гвоздя, как раз куда он глядит, — пять шагов. Там из земли торчит конец спички. Там Степа начинает копать мягкую землю. Федя стоит на часах. При малейшей опасности он тихо говорит:

— Огонь!

— А когда она приходит:

— Потухло!

— Огонь! Потухло!



— Это вы чего тут делаете? Опять что-нибудь затеваете?

Но вот из земли появляется газетный сверток, а из свертка — черный шерстяной чулок, сильно оттянутый книзу. Федя бросает пост и бежит смотреть. Из чулка извлекаются старый французский ключ, значок, похожий на орден Красного знамени, четыре подшипниковых шарика, испорченный электрический фонарь «Омега» и еще много изумительных вещей.

Оба молча пожирают глазами богатство. Федя тяжело вздыхает.

— Ну, что же, бери. Я даже свой ключ могу подарить тебе. И ромбики. Насовсем хочешь?

Степа потрясен. И вот его осеняет прекрасное, редкое чувство самопожертвования. Он хватает чулок, запихивает в него драгоценности и протягивает Феде:

— Старый дружище! На, бери. Когда на третье у вас будет малиновый кисель с молоком, ты вспомни Степку Зубкова... Только потом привези все. Если не привезешь, — ищи себе новые зубы. Мы с тобой...

— Это вы чего тут делаете?! Опять что-нибудь затеваете?

— Бандура, чтоб ей разорваться, в десяти шагах уже!

— А тебе какое дело? — кричит Степа, наступая ногой на выпавший чулок. — Я вот скажу Виктору Павловичу, что ты все время пристаешь к нам. Мы в твой табак не лезем, и ты к нам не лезь.

Бандура минут пять ворчит, потом все-таки уходит.

— Давай, скорей зарывай, а то опять кто-нибудь придет.

— Где тут зарывать? Ты что, она же видела. Мы уйдем, она придет и выкопает. Тогда уж лучше с собой бери.

— Подожди, я знаю где. Еще лучше. Там никто не догадается, идем.

VII

Это место было ближе к корпусам, но зато в нем были удобства, каких, пожалуй, нигде не найти на всем полуострове.

Во-первых, оно было сейчас же за сеновалом, так что найти его ничего не стоило, и примет никаких не надо. Во-вторых, сеновал совсем закрывал его от лагеря — даже издали никто не мог заметить. В-третьих, Бандура тряслась над своим сеном. К сеновалу никто не смел подойти, об этом даже на линейке об'являли. И, в-четвертых, это была старая мусорная яма. Она и до сих пор еще была наполовину завалена мусором. А кто же полезет в мусор? И нагореть может, и противно.

На всякий случай Федя склянкой расковырял на сеновале заметку. От нее по прямой линии Степа спустился вниз, разгреб мусор и начал копать в стенке ямы. Надо было вырыть такое углубление как кувшин: снаружи узкое, а на конце большой шар.

Сверху снова начали раздаваться шипящие предостережения:

— Огонь! Потухло! Огонь Виктор Павлович! Потухло! Он в лесок пошел. Уже не видно.

— Тут мягко! — откликался Степа из ямы.— Скоро готово будет. Уже на две четверти. Еще столько, и — шар.

— Ты потом закопай и мусором завали. Только сперва мне покажи, а то не найду.

— Ладно, ты сам смотри хорошенько. Сейчас... Эх, ты! Тут камень. Пожалуй, в другом месте надо

— Нет, ты обкопай его и вынь.

— Да он большой. Нет, постой, кажется, не очень. Сейчас... Эх! Рядом еще камень... Ага! Есть, вынимается. Здоровый! Только теперь он не пролазит: дыра очень узкая.

Пришлось расширять дыру. Это заняло еще минут десять. Наконец камень появился наружу. Он был неправильной кубической формы и весь изрыт ямками, словно его нарочно долбили. Степа закопал его в мусор и полез рукой щупать дыру.

— Ох, и большая стала! Дна не достанешь.

— Ну и ладно. Скорей клади, да вылезай.

— Сейчас, сейчас. Федя, я боюсь: чулок тоже дна не достает. Я уже за самый кончик держусь, а он все не достает. Положи ты лучше, у тебя руки длинные.

Поменялись местами: Степа стал на часы, а Федя с чулком полез в дыру. Он засунул всю руку и через секунду спокойно сказал:

— Упал.

— Как упал, куда?

— Туда, в дыру.

— Но ты его достаешь рукой?

— Нет, не достаю. Там пропасть какая-то, а не дыра. Надо палкой пощупать.

Степа стал на часы, а Федя с чулком полез в дыру.

— У, и фефела же ты! Зачем ты отпускал тогда?

— Я не отпускал, он сам выронился.

Степа сбегал, принес большой сучок. Федю он выгнал из ямы и поставил опять на часы. Сучок был метра в два, но и он не доставал до дна. Еще справа и вверху он нащупал что-то вроде стенок. Но налево, вниз и вперед было в самом деле похоже на бездонную пропасть.

— Пропало, все пропало! Теперь никогда не достанем. Тут, наверно, колодец был.

— А ты фонариком посвети...

— Посвети! Он же в чулке. Да еще испорченный.

Вдруг Степе что-то пришло в голову. Он даже рот раскрыл и долго ничего не мог сказать.

— Федя! Ты знаешь... Там, может быть, тайная комната была у генерала. Ой, Федя, там, ведь... Может, он деньги там спрятал, вещи всякие. Помещики, знаешь, сколько прятали, когда революция была.

Федя и тут остался спокойным и рассудительным:

— По-моему, там может быть два миллиона.

— А ты откуда знаешь?

— Смешно! Тут и знать не надо. Генералы по десять тысяч получали. Значит, в год сто двадцать тысяч.

Ну, пускай, двадцать он прокучивал. А остальные сто сюда клал. Если двадцать лет... Огонь, огонь! Скорей заваливай, сюда идут.

— Кто, Бандура опять?

— Начальник лагеря. С пальто! Наверно спать тут будет. Скорей, близко уже!

Степа завалил дыру мусором и вылез из ямы. Убегать было уже поздно. Они прижались к стенке сеновала и стали ждать.

Послышались шаги и взволнованный сердитый голос старухи:

— Постой-ка! Дай-ка сюда ключ!

— Что такое? Зачем?

— Дай, говорят! Не пущу, лучше и не проси. Оно нас весь год кормит, сено.

— Ну вот! А дедушка сказал, можно. Я же не сам взял ключ.

— Он, дедушка-то, дурак старый, вот он кто. Думает, как начальник, так ему и отказать нельзя. Пусти вас, а корова всю зиму без сена будет.

— Да что ему сделается, вашему сену? Подумаешь, один человек поспит.

— Один, да другой, да третий. Прошлый год пустили также вот: они сперва сами ложились, потом друзей своих привечать стали. Целу ночь, бывало, ржут как жеребцы. Да так его умяли, что оно все и сопрело. Дашь, бывало, корове, она нос воротит. Нет, не пущу. Серчай не серчай, а не пущу.

— Тьфу! Ну и человек вы, Агафья Семеновна!

— Да уж какая есть, что же теперь сделаешь? Такая уродилась.

Шаги стали удаляться, но вдруг стихли.

— Да, кстати, Агафья Семеновна, ребята сегодня жаловались, что порции им маловаты и невкусно готовить стали.

— Это ты завхозу скажи. Мне сколько выдают, столько я и делаю. Ваши же пионеры распределяют. Там контроль, там дежурные. Весь день кто-нибудь на кухне. А я причем тут? По мне, хоть по пуду выдавайте.

— Да, ведь, завхоз вам отпускает столько же. А раньше почему-то не жаловались.

— Им хоть быка зарежь, и то мало будет.

— Смотрите, Агафья Семеновна! Как нам бы с вами не наклали по первое число.

— Это за что же мне накладут? За то, что не отдохну весь день? За то, что свою машину отдала вам пользоваться? Спасибо!

Начлагеря ушел, а старуха щелкнула замком и вошла в сарай.

— Холеры на вас нет, окаянные! — ворчала она. — Порции малы им. Кормят, чисто поросят на убой, и все мало, все мало.. Накладут! Плюну вот да уйду. А вы накладайте тогда. Много вы найдете кухарок. Их и в городе-то нет, не то что здесь. Еще в ноги поклонитесь Агафье Семеновне...

Она пошуршала сеном, поворчала еще и умолкла.

— Спать легла! — шепнул Степа. — Теперь конец. Ничего нельзя сделать.

— Давай, мы тоже пойдем ляжем. А потом, когда она будет готовить ужин, опять придем.

— Да, тогда уже все проснутся.

— Ну, что же, мы — когда культдосуг. Они все будут играми заняты, танцами, вот мы и придем.

— Дедушка, а он очень богатый был?

VIII

Спать им обоим не хотелось. Два миллиона — не такая штука, чтобы спать. Поэтому Степа предложил, а Федя сейчас же согласился сбегать сначала к бандуриному дедушке и порасспросить его насчет генерала.

Недалеко от кухни стоит крохотный «сундучок» с тесовой крышей. Дверца в нем такая, что Феде пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться головой. За дверцей были сени, как в настоящих больших избах, потом еще одна дверца и только за ней «комната». В ней помещались табурет и детская кроватка. На кроватке лежало туловище. Ноги упирались в угол потолка.

Когда ребята скрипнули дверцей, хозяин открыл глаза. Он мельницей повернулся, спустил ноги так, что Степа очутился между ними, и сел. Это был высоченный старик, бородатый, носатый и лысый. Он вытер корявой рукой лысину и спросил:

— Ну что, казаки? Озоровать пришли?

— Нет, мы так, просто.

— Так, просто? Ну, за это спасибо, что не забываете дедушку. Вам, небось, про барина рассказать?

— А тебе кто сказал?

— Да, ведь, ко мне кто ни придет, все про барина спрашивают, и большие, и маленькие. Ну, садитесь. Один на табуретку, а другой сюда вот, ко мне на кровать. Так что же вам рассказать про него?

— Нет, нам ничего, мы так, просто, как все.

— Рассказать, как молодой барин женился?

— Нет, про это не надо. Нам... Дедушка, он злой был генерал?

— Нет, зачем злой? Человек он мягкий был, хороший. Ну, да ведь, как сказать? Волк, он вон тоже, небось, с волками, какой хороший! А как овцу встренет, так горло ей и перегрызет. Такая уж у него природа. И генерал эдак же. Мужики не любили его.

— Дедушка, а он очень богатый был? Наверно, прямо миллионы накопил?

— Сам-то генерал не шибко богатый. А вот как молодой стал хозяйничать, Лександр Егорыч, этот разбогател страшно. Вот эти леса кругом — это все его было. Одного льну, говорят, сымали на десять тыщ.

— Каждый год на десять? — Степа не мог усидеть на табуретке. Ему даже жарко стало.

— Каждый год. А лесу по рекам сколько сплавят! А хлеба! Ведь у него одних молотилок было три штуки. Одна вот теперь в колхозе работает, другую увезли куда-то, а одну разорили в революцию. Хлеба этого было вот, что воды в речке. Бывало, девать некуда. Все помещения, все амбары позасыпят, все закутки, какие только есть. К весне, бывало, мужики стонут — есть нечего, а мы стонем—хлеб замучил. Каждый день подводы грузили да на станцию отправляли.

— Дедушка, а где он деньги свои прятал? Наверно, у него специальная комната была?

— Вот этого я вам не скажу. Кто же его знает, где он их прятал? Сказывали, в банках держал.

— В каких банках?

— Да уж не иначе—в железных. В стеклянных как же можно? Стукнул ее камушком, она и разлетелась. У него, говорит, подвал был эдакий вырытый.

— Подвал, да? Под землей?

— Ну да, под домом. Там, будто, он и сохранял эти банки свои. Ну, только брехня это. Тогда в революцию дом разорили...

— Как разорили? Мы, ведь живем в нем.

— Ну, это разве дом? Это все новые помещения. От старого тут осталось — вот этот флигель, где теперь девчата живут, да вон павильон, где вы обедаете. А дом стоял...

— Где теперь сеновал?

— Вот-вот. Отсюда и туда, к стрельбищу вашему. Красивый был домина!

— Ну, что же, когда разорили?

— Я сам-то тут не был: я тогда по ремонту работал на железной дороге. А старуха моя была у них за кухарку. Так она сказывала — его пушками разбили. Белые-то войска ночью скрылись, а красные еще не заходили. Вот народ и кинулся за богатством. За одно утро все бархата растащили, всю одежу, шкафы, стулья всякие, посуду. Ну, а денег не нашли. Ни банок, ни подвала — ничего такого и звания не было.

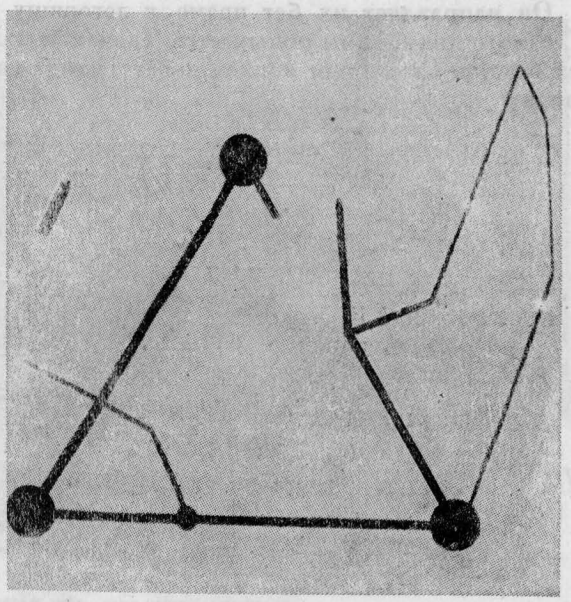
Степа с Федей собрались уходить. Дед удивился, что они так скоро, упрашивал их остаться, обещал рассказать, как сам генерал на свадьбе сына танцовал с его старухой Бандурой. Но ребята вежливо отказались.

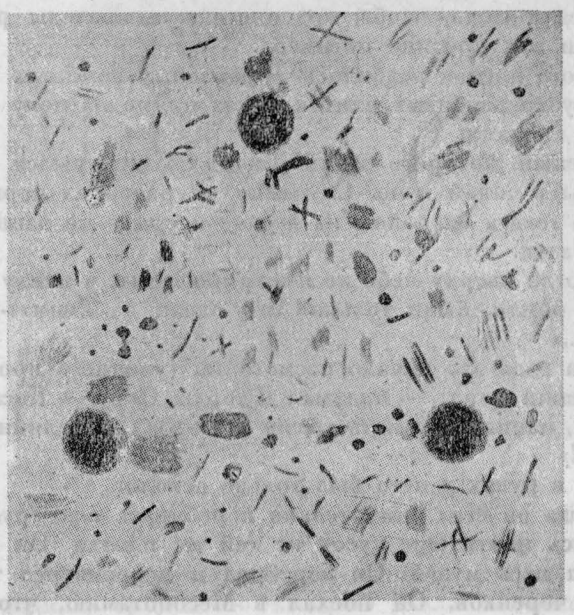
Федя, давно уже не раскрывавший своей книжки, едва успел выйти, сейчас же бросился записывать, но Степа испуганно схватил его за руку:

— Ты, что, с ума спятил? Кто-нибудь прочитает, когда спишь, — и все пропало.

(***Продолжение следует***)

КАНАЛЫ НА МАРСЕ

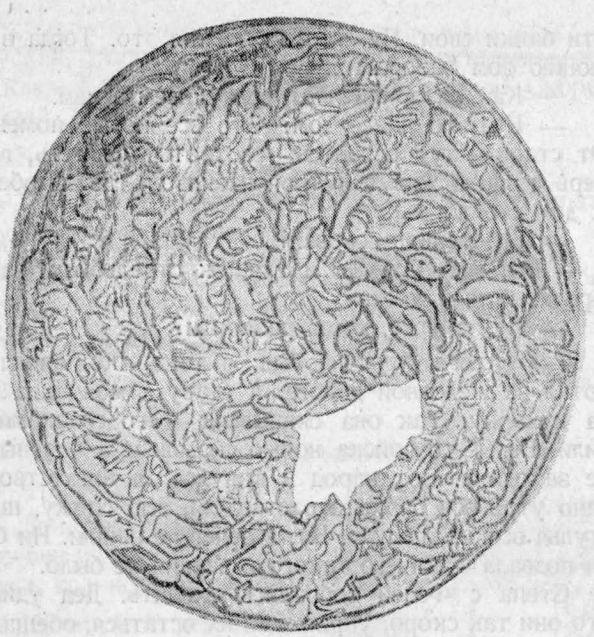




Существуют ли на Марсе каналы? Многие астрономы уверяли, что они видели в телескоп каналы на Марсе, прямые как стрела. Это дало основание предполагать, что на Марсе живут разумные существа, которые всю свою планету изрыли каналами.

Однако сейчас большинство ученых уже не верит больше в каналы. Дело в том, что самые сильные телескопы никаких каналов не обнаруживают. Видны они лишь в более слабые телескопы, да и то не всегда.

Один астроном, Маундер, об'яснил, почему некоторым астрономам могло показаться, что они видят каналы. Маундер нарисовал два рисунка. На одном изображены прямые линии, пересекающиеся под разными углами,—нечто вроде «каналов», а на другом— пятна, точки, штрихи и т. п. Если отодвинуть оба рисунка от глаз на расстояние 8 метров, то будет казаться, что треугольники на обоих рисунках похожи один на другой. При рассматривании правого рисунка глаз невольно соединяет лежащие приблизительно на одной линии точки и штрихи в одну прямую. Приблизительно то же самое происходит и при разглядывании Марса в слабый телескоп. Отдельные пятна сливаются в линии, и наблюдателю кажется, что он видит каналы.



Чудовища, которых породила Тиамат (*по древнему изображению*)

КНИГА ИЗ ЦАРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Очерк А. Покровской

В Лондоне, в Британском музее, собрано множество глиняных плиток, покрытых клинообразными письменами.

Их откопали в песчаных холмах Месопотамии и привезли сюда, чтобы археологи и языковеды разгадали эти древние письмена.

Много плиток разбилось. В запасных комнатах музея куски разбитых плиток лежат прямо на полу целыми кучками.

Ученый, которого звали Джордж Смит, рылся однажды в такой куче. Случайно он разобрал первое слово текста на одном из кусков и сразу же заинтересовался.

«Когда вверху небо не имело названия, а внизу не было земли, были только Апсу-океан да Тиамат-пучина...»

«Да ведь это начало космогонии (учение о происхождении мира), — подумал Джордж Смит. — Космогония, написанная пять тысяч лет назад! Подлинный текст!»

Но в руках у него был только осколок.

Тогда он стал внимательно перебирать всю груду, надеясь найти еще кусок от той же плитки. Он перерыл весь музей. Он перебрал и пересмотрел тысячи черепков. Он поехал в Месопотамию, чтобы самому исследовать места раскопок. Восстановление текста самой древней книги о сотворении мира сделалось целью всей его жизни.

Несколько лет продолжалась кропотливая работа. Приходилось исследовать самые мелкие осколки, нужно было с большой точностью складывать их друг с другом. В конце концов ему удалось подобрать и склеить семь плиток, но далеко не в целом виде. Многих кусков вовсе нет, почти на всех плитках отломаны либо концы либо начала строк, иногда целые строки совсем стерты.

Но все-таки оказалось возможным разобрать значительную часть всего текста. На каждой плитке стоит № и вместо заглавия повторены первые слова начала. Вот так: Плитка 1. Когда вверху. Плитка 2. Когда вверху. Плитка 3. Когда вверху. Плитка 4. Когда вверху и т. д.

На каждой есть надпись: «Собственность Ашурбанипала, царя народов, царя ассирийского».

Эти семь плиток составляют как бы семь томиков одной книги в царской библиотеке.

Вот что было в них написано:

«Когда вверху не было неба, а внизу не было земли, тогда Апсу-океан и Тиамат-пучина слились воедино и породили богов. Боги умножились и стали могучими. Апсу и Тиамат возненавидели тогда свое порождение и замыслили зло.

Тиамат породила чудовищ: огромных змей, налитых ядом вместо крови, и с острыми зубами; василисков со смертоносным взглядом, со змеиными хвостами и птичьими крыльями; полулюдей, полускорпионов; драконов и свирепых псов.

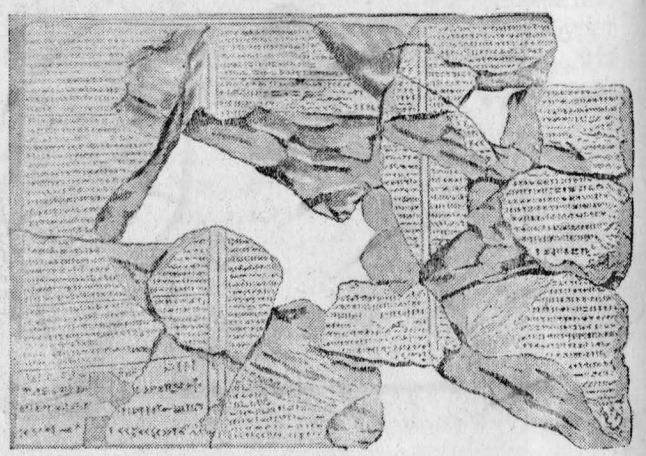
Боги испугались. Толпясь и толкая друг друга, они собрались на пир. И когда насытились яствами и упились вином, старший бог сказал самому младшему, Мардуку: «Пойди, усмири Тиамат!»

— Обещай мне только, что я стану повелевать всей вселенной, — ответил Мардук.

— Иди и пресеки жизнь злой Тиамат. Пусть ветры разнесут ее кровь во тьму. Тогда тебе мы отдадим владычество над всей вселенной.

Так сказали боги, и Мардук стал готовиться в путь. Он делает крепкую сеть; он надевает за плечи свой лук и колчан со стрелами, он берет копье, палицу и острый меч и берет орудие богов—абубу—связку молний; он сзывает семь буйных ветров и велит им лететь за собой. Тогда он всходит на колесницу. Четверка быстрых коней обучена топтать и кусать врагов.

Он направляет их бег прямо к логовищу Тиамат. С самого дна бездны подымается Тиамат, и содрогается бездна. Страшным воплем зовет Тиамат своих чудовищ.



Плитка, склеенная Д. Смитом.

Но Мардук, мудрейший из богов, быстро как молнию бросает свою крепкую сеть, — и вот Тиамат опутана вся; тотчас один из семи ветров вихрем врывается в ее раскрытую пасть. Тиамат задыхается, она не может больше закрыть пасть, и Мардук вонзает ей в пасть копье и прокалывает ей сердце.

Испуганные чудовища хотят бежать, но сеть Мардука не выпускает их: они все запутались в ее крепких петлях. И Мардук связывает их всех и ломает их оружие. Он рубит тело Тиамат и выпускает ее кровь. Северный ветер уносит кровь Тиамат во тьму.

И тогда возликовали все боги. И Мардук стал властелином вселенной.

Тогда Мардук придумал разумное дело. Своим острым мечом он рассек огромную тушу Тиамат пополам. Одну половину он поднимает кверху и делает из нее твердое небо. Из другой половины он делает землю.

Небесной твердью Мардук отделил верхний океан от нижнего и устроил засовы и запер выход, чтобы верхние воды не вытекали. А землю поместил точно опрокинутую чашу посреди нижнего океана.

Внутри земли, во тьме, он запер всех злых чудовищ.

На тверди небесной, вокруг всего неба, он поместил 12 дворцов-остановок для солнца и укрепил на них сияющие звезды. Он установил год и разделил его на 12 месяцев и на разные времена, назначил для каждого времени по три остановки на солнечном пути. По обеим сторонам небесной тверди, справа и слева, он устроил широкие ворота для солнца и луны. И луне повелел вести счет дням: «Каждый месяц рогом-венцом своим отмечай разделение».

На 12 месяцев разделил Мардук год, а каждый месяц—на четыре срока по семи дней.

Каждый из семи дней посвятил одному из семи богов. Семь богов на небе: Шамаш-солнце, Син-месяц, Нергал, Набу, Мардук, Иштар-богиня и Нинив.

Семь богов — семь планет странствуют по небесным дорогам».

Все это прочитал Смит на первых четырех плитах. Дальше разбирать текст стало совсем трудно. Можно было понять только, что говорится о сотворении растений, животных и человека и об устройстве земли.

Бой Мардука с Тиамат. В правой руке у Мардука абуба — связка молний *(старинное изображение)*.

Какая же это космогония?

Это сказка. Даже маленькие не примут ее всерьез.

А между тем в том мире, который существовал на земле за пять тысяч лет до нашей жизни, ее принимали всерьез самые ученые люди.

Но и в нашей жизни от этой сказки остались не одни осколки глиняных кирпичей.

Совсем недавно введена у нас, в СССР, шестидневка. Раньше считали по семидневным неделям. А в буржуазных странах и до сих пор считают по неделям.

Во всех цивилизованных странах мира счет времени ведется по годам, а год делится на 12 месяцев и на 4 времени года.

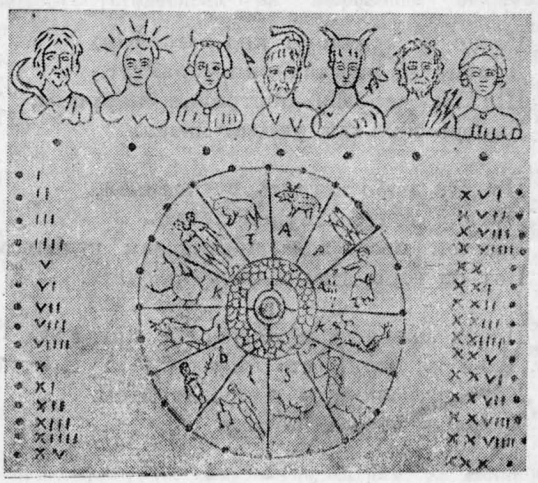
Вот посмотрите на эту таблицу:

Россия	Германия	Франция	У древних римлян	В древнем Вавилоне
Воскресенье	День солнца	Воскресенье	День солнца	Шамаш — солнце
Понедельник	День луны	День луны	День луны	Син — луна
Вторник	День Одина	День Марса	День Марса	Нергаль — римский Марс
Среда	Среда	День Меркурия	День Меркурия	Набу — римкий Меркурий
Четверг	День Доннара	День Юпитера	День Юпитера	Марсук — имкий Юпитер
Пятница	День Фреи	День Венеры	День Венеры	Иштар—римкая Венера
Суббота	Вечер солнца	День Сатурна	День Сатурна	синиб—римНкий Сатурн

Европейцы не сами выдумали свой календарь. Они заимствовали его у древних римлян. У римлян дни недели назывались в честь семи богов, а боги соответствовали семи небесным планетам: Солнцу, Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере, Сатурну. Эти планеты мы видим на небе невооруженным глазом. Двух планет—Урана и Нептуна—в древности не знали. Их открыли, когда изобрели телескоп.

Римляне заимствовали свой календарь у еще более древнего народа, ассиро-вавилонян. Изменились только имена богов. Так, Мардук у римлян стал Юпитером, а у древних германцев—Доннаром; Иштар—богиня любви — у римлян стала Венерой, а у древних германцев — Фреей.

А небесная дорога солнца, а двенадцать его дворцов-остановок?

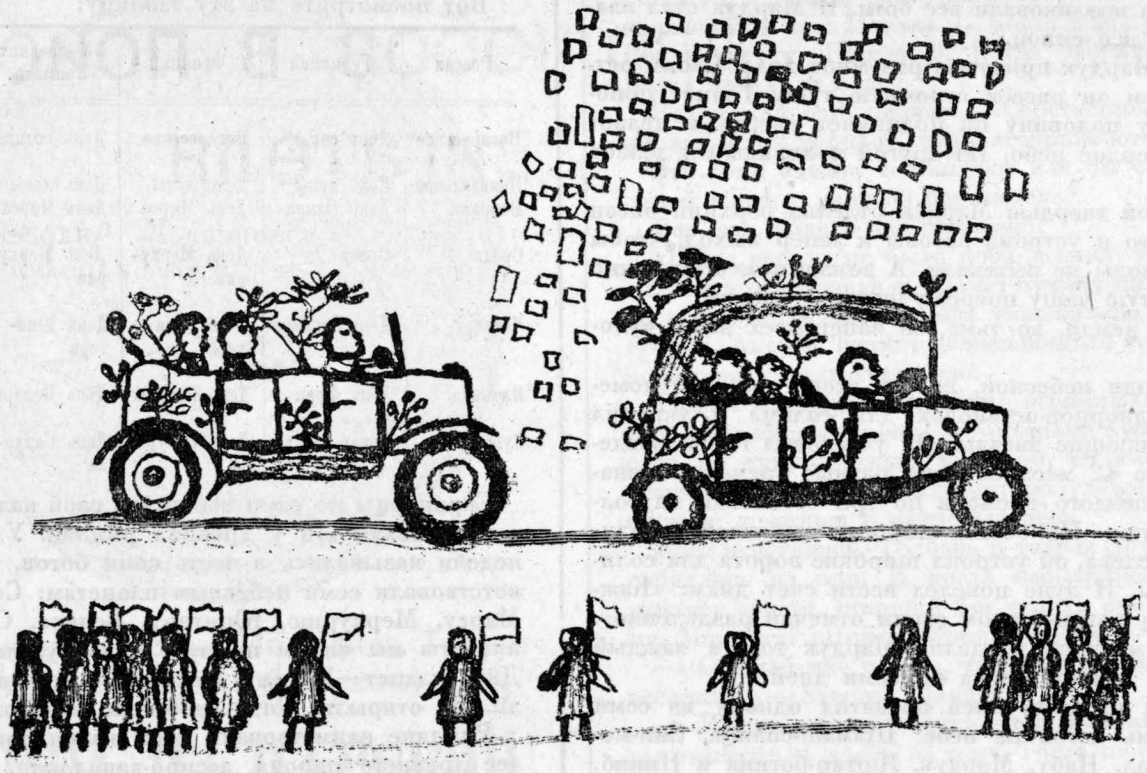


Римский календарь.

Дорогу мы увидим на каждой звездной карте: это зодиак, орбита, по которой земля обходит вокруг солнца в течение года. Древние думали, что не земля, а солнце обходит небо.

Зодиак — древнее слово и значит солнцепутие. 12 дворцов — 12 созвездий на земной орбите, 12 знаков зодиака. И у всех у них сохранились никому теперь непонятные древние названия: Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы, Овен, Телец, Близнецы.

Пять тысяч лет назад не было телескопов. Но древние люди сумели невооруженным глазом изучить движение небесных планет, годовое движение земли и созвездий. Они изобрели счет времени, и их календарем до сих пор пользуется человечество.



ВСТРЕЧА ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

Рис. деткора Леши Дерягина (внешкольный комбинат „Трехгорки“).

ГЕРОЯМ

Ровно колеса поют под вагонами,
Дробно на стыках они тарахтят.
Шпалы, деревья, постройки, перроны,
Быстро мелькая, уходят назад.

Поезду любо нестись с упоеньем,
Поезду хочется бурей лететь.
Вот он несется с протяжным гуденьем.
Вот он торопится к месту поспеть.

Поезд повсюду встречают с приветом,
Даже не верят, что он наяву.
Едут челюскинцы в поезде этом.
В красную едут Москву.

* * *

Метели отчаянно снегом бросались.
Со скрежетом льды громоздились,
Казалось, что буря весь лагерь пыталась
На воздух поднять и об лед его бросить.
Но с мачты срываются радиоволны.
Уже из эфира слова раздаются,
Что люди на льдине решимости полны,
Что летчики наши на помощь несутся.
Вот реет сквозь вихрь и пургу Ляпидевский,
И Молоков мчится сквозь толщу туманов,
И держат на лагерь свой курс Леваневский,
Каманин, Доронин, Слепнев, Водопьянов
И реют и мчатся, и шум их моторов
Сливается, гулко во льдах отдается,
А там замирает в холодных просторах,
И к лагерю дальше стрелою несется.
О племя героев! Мы видим вас всюду,
И даже на льдине ваш флаг развевался,
И знаем мы: случая нет и не будет,
Когда б большевик отступил или сдался.

Ляндсберг Борис.

57-ая школа СОНО.

Заметки редактора

Стихи Б. Ландсберга как и все стихи начинающих написаны очень неровно. Рядом со строками энергичными, звучными, точно передающими мысль автора, стоят неуклюжие, вялые, неясные строки.

«Уже из эфира слова раздаются», «Шум моторов несется стрелою» и т. д. Но наряду с ними есть восемь звучных мужественных строк, хорошо передающих героизм летчиков. Вот они:

«Вот реет сквозь вихрь и пургу Ляпидевский,
И Молоков мчится сквозь толщу туманов,
И держат на лагерь свой курс Леваневский,
Каманин, Доронин, Слепнев, Водопьянов.

. . . . . .

О племя героев! Мы видим вас всюду
И даже на льдине ваш флаг развевался
И знаем мы: — случая нет и не будет,
Когда б большевик отступил или сдался».

Это лучшие строки в стихотворении.

Инженер Гидролюбов в поисках вечного двигателя

Записал К. Андреев, рисовал Юра Гидролюбов.

— Иван Игнатьевич, — сказала лысая голова соседа, просунувшаяся в дверь, — вас спрашивают...

— Да, да, — обрадовался Гидролюбов. — Тащи его сюда, Юрка.

Но тащить не пришлось. Дверь с треском распахнулась, и в комнату ввалилась огромная фигура. Красное круглое лицо расплылось в довольную улыбку, которую не заслоняла пышная рыжая борода, растущая у шеи.

— Инженер Гидролюбов! — закричал незнакомец таким голосом, что Юрка вздрогнул. — Инженер Гидролюбов! Наконец-то я вас нашел!

С этими словами он сбросил на пол целую груду чемоданов, ящиков и корзин, которую он каким-то чудом до сих пор удерживал на весу, и протянул Гидролюбову большую красную волосатую лапу.

— Никита Болотников младший, — представился он, — из Ялты.

— Простите, но я не знаком с Болотниковым старшим. Поэтому прошу...

— Пустяки, — прервал гость. — Такого никогда и не было. Просто, так как-то лучше звучит.

Он повернулся к Юрке и добродушно протянул ему руку.

— Никита Болотников младший, — с удовольствием представился он.

— Юрий Гидролюбов, — с важностью ответил Юрка.

Гидролюбов старший уже занял свою любимую позицию у окна, в кресле.

— Я получил ваше письмо, уважаемый Никита... Никита...

— Яковлевич, — с готовностью подхватил гость.

— ...уважаемый Никита Яковлевич. В нем вы пишете, что вам удалось совершить несколько необычайных открытий.

— Да, и зная ваши исключительные познания во всех областях техники, я просто захватил с собой всю свою небольшую лабораторию и... прямо к вам.

— Это очень интересно, — заметил Гидролюбов, покосившись на груду чемоданов и ящиков. — Это, вероятно, все ваши изобретения?

— Что вы, все! Здесь нет и одной десятой части их. Это одни только вечные двигатели.

— Уж это ерунда, — ввязался в разговор Юрка. — Мы это проходили. Вечных двигателей не бывает.

— А вот мы сейчас проверим это, молодой человек, — сказал Болотников, ничуть не обидевшись.

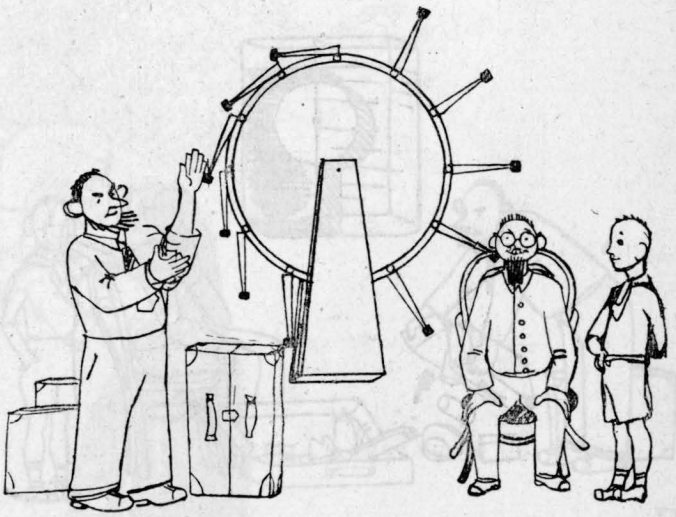
Он уже начал распаковывать самый большой чемодан. Из недр чемодана появился целый ряд самых необычайных вещей: несколько связок всевозможных ключей, громадная пачка старых газет, большой моток веревок, образцы минералов, какие-то гремящие жестянки, пустые бутылки и бутылки, наполненные разноцветными жидкостями, резиновые шары, рулон проволоки и в заключение большой утюг.

Болотников передохнул. Затем он, засучив рукава и окинув орлиным взглядом безмолвных зрителей, торжественно вытащил огромное колесо из блестящего металла с целым рядом гирь, прикрепленных к его ободу при помощи штанг.

— Модель номер первый, — торжественно заявил он.

Юрка посмотрел на Гидролюбова. Тот смотрел очень серьезно, но Юрке показалось, что очки его уж очень весело поблескивают.

Болотников установил колесо на столе и выравнял его по ватерпасу, вытащенному все из того же бездонного чемодана.



По ободу расположены двенадцать шарниров, на которых укреплен стержень с гирями на конце.

— Основной принцип, — закричал он, — принцип рычага. Колесо установлено на шариковом подшипнике, и трение сведено до минимума. По ободу расположены двенадцать шарниров, на которых укреплен стержень с гирями на конце. Шарнир может открываться только в одну сторону. Следовательно, с одной стороны колеса грузы будут свисать вниз, а с другой — благодаря одностороннему шарниру, будут располагаться на вытянутых стержнях. Таким образом тот же самый груз будет, с одной стороны, действовать на малое плечо рычага, а, с другой стороны, — на плечо большое, и колесо начнет вращаться с огромной быстротой.

— А если толкнуть, — опасливо заметил Юрка.

Он подошел к столу и осторожно тронул колесо. Что-то загремело и заскрежетало, колесо качнулось, но не сдвинулось с места.

— Да ты сильней, — ободрил его Гидролюбов. — Сейчас пойдет.

Юрке показалось, что Гидролюбов хитрит. Он сильнее повернул колесо. Оно качнулось и, повернувшись обратно, больно ударило его по руке.

— Дерется, — обиделся Юрка. — Его и нарочно не повернешь.

— А раньше работало? — спросил из своего угла Гидролюбов.

— Должно работать, — не смутился изобретатель. — Тут небольшие дефекты конструкции. Собственно говоря, это идея не новая. Я лишь пытался внести сюда новейшие достижения техники — шариковый подшипник, например. Тут ведь все дело в трении. Но после меня осенила гениальная мысль о гораздо более простом двигателе. Одно неудобство — очень дорогие материалы.

Рыжая борода, задорно задранная кверху, нырнула во второй чемодан, и из груды таинственных, но бесполезных предметов появился небольшой ящик.

— Ящик делится на два отделения, — кричал Болотников. — В одном налита вода, в другой половине — ртуть. Между отделениями расположено алюминиевое колесо. Алю-

миний всплывает в ртути и тонет в воде. Таким образом правая половина поднимается, а левая опускается, и колесо вращается вечно.

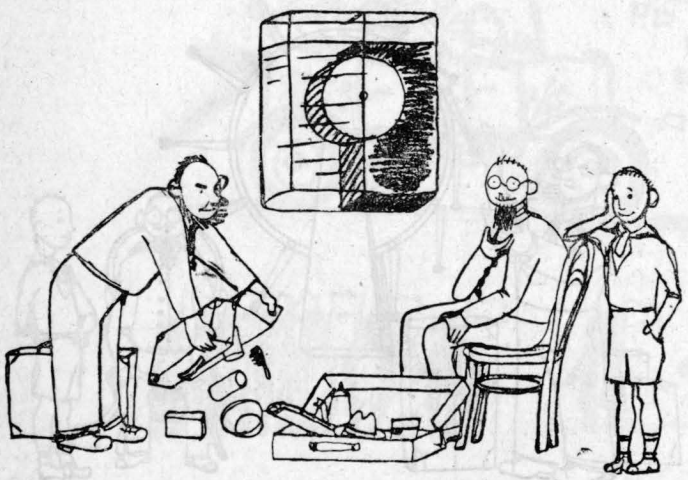
— Не работает? — усмехнулся Гидролюбов.

— Нет, — немного смутился Болотников.

— Дефекты конструкции? — посочувствовал Гидролюбов. — Юрка, об'ясни.

— Трение мешает, — догадался Юрка.

Гидролюбов почти смеялся.



Ящик делится на два отделения: в одном—вода, в другом—ртуть.

— Зато третья модель — так уж та без отказа, — вновь воодушевился Болотников. — И просто и гениально!

Открылся третий чемодан, и целый ворох необычайных предметов заполнил комнату.

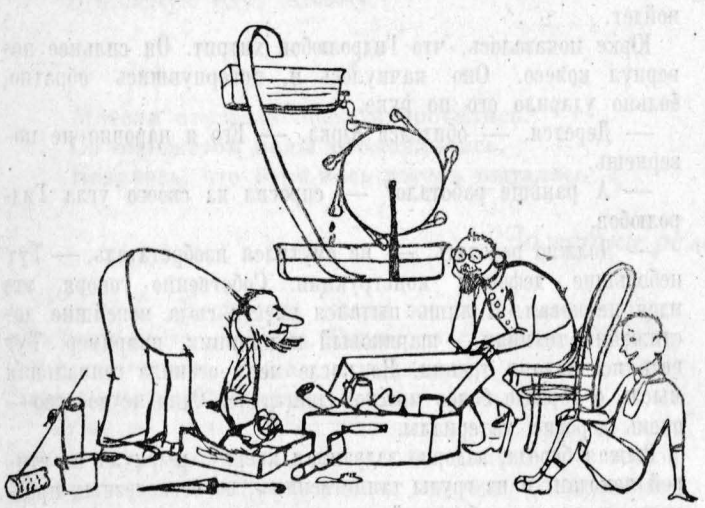
— Два резервуара, — ораторствовал Болотников, — верхний и нижний. Вода перетекает из верхнего в нижний и ворочает наливное колесо. Из нижнего же резервуара в верхний ее подают фитили. Знаете, как в лампах или керосинках.

— Не работает? — поинтересовался Гидролюбов.

— Нет, — совсем смутился Болотников.

— Дефекты конструкции, — обрадовался Юрка, — трение мешает.

— Какое же тут трение, — обиделся Болотников, — пока есть вода в верхнем резервуаре, колесо работает хорошо. А как только израсходовалась вода — стоп. Не тянут воду фитили.



— Зато третья модель — так уж та без отказа.

— Фитили плохие, — попытался догадаться Юрка.

Гидролюбов засмеялся.

— Никита Яковлевич, — сказал он, — Юрка, не в одном трении дело и не в ошибках конструкции. Здесь дело сложнее.

— Ну нет, — обиделся Юрка,—уж я-то знаю. Если трения не было бы, то тогда только толкни машину, она сама будет работать. Тогда все машины были бы вечными двигателями.

— А толку не было бы. Были бы только вечные вертушки, как например вот эта.

Гидролюбов нагнулся и вынул из стола стеклянную трубочку. В комнате темнело, и собеседники с трудом разглядели внутри нее две маленьких пластинки на конце тонкой иглы. Пластинки, спадая, соприкасались, но, столкнувшись, мгновенно разлетались в стороны, чтобы снова совпасть.

— Так, значит, существуют вечные двигатели, — с уважением заметил Юрка, — хотя мы проходили...

— Нет трения и выкачан воздух, — догадался Болотников. — Здорово сделано!

— Друзья мои, — сказал Гидролюбов почти торжественно. — Предлагаю вам отправиться на поиски вечного двигателя. Может быть, они существуют, а быть может, и нет. Но дело в том, что нам нужен двигатель, работающий с наименьшими затратами. А этот двигатель будет образцом и руководством в наших поисках.

— Ну нет, — обиделся Болотников, — держу пари, что эта игрушка не проработает и часу. Все это ваши шутки, Гидролюбов.

— Я тоже так думаю, — ввязался Юрка.

— А для доказательства своих слов, — продолжал Гидролюбов, — мы с вами заключаем следующее соглашение: запечатаем этот прибор и замуруем его в полу, он будет лежать там в темноте, без угля, электричества, воды, ветра и света. Мы же отправимся в путешествие. И когда вернемся, проверим его состояние: если вертушка будет работать — вам придется признать существование вечных двигателей.

— Согласен! — закричал Болотников.

— Согласен! — сказал Юрка.

— Я кладу эту стеклянную трубку в этот медный футляр. Завинтим крышку. Сверху сургучная печать. Вот так.

— Запечатаем моим перстнем, — сказал Болотников, входя в роль.

— А замуруем вот здесь, в углу, — подхватил Юрка, — один кирпич шатается и его можно вынуть, а внутри пустота.

Через две минуты все было кончено.

— Вы готовы? — спросил Гидролюбов. — Советую тебе, Юрка, записывать и зарисовывать главные эпизоды нашего путешествия. Никита Яковлевич, присоединяетесь к нам?

— Конечно, — заревел тот. — Я не только присоединяюсь, но берусь быть вашим руководителем и проводником. Я довольно-таки попутешествовал на своем веку и не потеряюсь ни при каких обстоятельствах.

— Вот это хорошо, — обрадовался Гидролюбов. — А теперь, Юра, вопросы для начала. Почему не может существовать вечных двигателей?

— Проходили, — обрадовался Юрка. — Закон сохранения энергии.

— Нет, нет! Этак вы все горазды. А вот подумай хорошенько, почему не работали все три двигателя Никиты Яковлевича. Если сам не сможешь ответить, обратись к читателям журнала «Пионер».

— Ладно, — согласился Юрка, — по рукам.

Гидролюбов протянул правую руку Болотникову, а левой схватил Юрку за ухо.

— Союз заключен, — сказал он. — Путешествие начинается.

(Продолжение следует.)

Ответы на вопросы Гидролюбова шлите в редакцию. Лучшие ответы будут напечатаны.

Мулла Насрэддин и петух

Сказка.

Записала А. Гарф. *Рис. А. Фонвизина*

Захотел мулла Насрэддин поесть курятины. А кур у него нет. Денег тоже нет. Как быть?

— Надо, — думает, — узнать, как поживают куры у соседа.

Приставил к забору лестницу, влез к соседу в дом, украл петуха, спрятал его в рукав, лезет обратно.

Но сосед вдруг схватил муллу за подол и заорал:

— Убью тебя, вор!

— Ты ошибаешься, — отвечает мулла Насрэддин, — я не вор.

— Ты ночью залез в мой дом!

— Я не лез в твой дом.

— Ты украл моего петуха!

— Ты ошибаешься, я не брал твоего петуха.

Но петух вдруг высунул голову из рукава и крикнул: «Кукареку, кукареку, ку-ка-а-а-реку-у-у!»

— Видишь, мулла Насрэддин, — сказал сосед. — Петух здесь; как ты, такой почтенный человек, не стыдишься врать?

Мулла Насрэддин на эти слова, очень обидевшись, отвечал:

— Как ты, сосед, такой почтенный человек, не стыдишься верить петуху больше чем мне? Неужели крик глупой птицы стоит большего доверия чем слово ученого человека?

Стыдно стало соседу. Спрятал он лицо в ладони и пошел домой. А мулла Насрэддин, спустившись в свой сад, петуху голову отрезал.

— Вот тебе за то, что криком ты прервал тихую беседу.

Зажарив птицу в масле, мулла Насрэддин с'ел ее с рисом.

— Это мне за то, что я научил соседа уважать науку.

Небо в августе

Падение большого болида (если болид упал на поверхность земли, то эта каменистая масса называется метеоритом).

Очерк проф. К. Баева

Начинайте наблюдать небо в августе. Тогда фон неба постепенно становится все темнее и темнее. В погожие темные августовские ночи, когда небо ясно и нет луны, особенно четко вырисовываются фигуры различных созвездий. Это время—самое лучшее для ознакомления с небом, и надо его непременно использовать.

Августовские созвездия. Какие же созвездия можно видеть на небе в августе? Их легко отыскать на любой звездной карте. Там можно узнать и *название* каждого созвездия. Нетрудно разыскать на темном августовском небе созвездия Орла, Лебедя, Лиры, Кассиопеи, Персея, Андромеды, Пегаса, Возничего, Тельца. Это и будет вашим первым знакомством со звездным небом. Ребята, живущие в Москве или недалеко от нее, могут поступить проще: поехать в августе на астрономическую лекцию в Планетарий (Кудринская-Садовая, 5). Они увидят там, на искусственном небе этого замечательного небесного театра, все августовские созвездия. И без всякого атласа смогут их запомнить.

Млечный путь тянется по небу светлой, белесоватой полосой. Теперь все ребята, конечно, хорошо знают, что Млечный путь не божественное «молоко» («млечный»—молочный), пролитое по небесной тверди, а скопление мельчайших, чрезвычайно скученно расположенных звездочек. Но ведь каждая звезда — далекое от нас «солнце», т. е. такой же как наше Солнце раскаленный гигантский газовый шар, только очень от нас удаленный. Следовательно, Млечный путь—скопление солнц; наше Солнце — одно из солнц этого гигантского образования.

Из планет в июле и августе, вечером и ночью, виден Юпитер в созвездии *Девы*. Утром можно попытаться увидеть «красную планету»—Марс.

Виден и Сатурн в июле и августе всю ночь. Красавицу Венеру с июля до октября искать придется примерно за час до рассвета. Планеты при некотором навыке вы сможете сразу отличить от звезд по их характерному цвету и яркости. Кроме того звезды ночью мерцают, а планеты не мерцают.

Наблюдайте и вооруженным глазом в небольшую трубу или бинокль. В хороший бинокль (Цейса) можно отлично разглядеть и горы на Луне и спутников Юпитера. При всяких наблюдениях хорошо бы делать зарисовки положений спутников, вида планеты в телескоп и т. п. Труднее делать зарисовки пятен и гор на Луне, но при некоторой настойчивости и тут можно достичь успеха. Темные пятна на Луне со времен Галилея называются «морями». Но вы сами, наблюдая в бинокль, очень скоро убедитесь, что *воды* в лунных «морях» нет.

Знаменитый астроном Жан-Доминик Кассини, первый директор Парижской обсерватории, который открыл вращение планет Марса и Юпитера вокруг осей (в 1666 г.).

«Падающие звезды» в августе

В темные августовские и осенние ночи очень легко наблюдать так называемые «падающие звезды». Название это неверно: звезды не падают, это летят через слои стратосферы крошечные камешки от *распада кометных ядер.*

За «падающими звездами» особенно необходимо следить 6—13 и 15—20 августа. Теперь «падающие звезды» часто называют *метеорами.* 15 — 20 августа метеоры особенно часто «сыплются» из созвездия Персея. Поэтому их обычно и называют *персеидами.* Наблюдение метеоров *очень важно.* Умелое наблюдение метеоров, нанесение их путей на звездную карту, определение так называемого «радианта», т. е. положения на небе той площадки, откуда особенно много в данную ночь сыплется метеоров, — это уже вполне научная работа. И в сущности ее может проделать всякий школьник и пионер, хотя бы немного знакомый с созвездиями. Научиться наблюдать *отчасти* можно и по книгам.

Особенно рекомендуем для такой учебы следующие книги: 1) проф. К. Д. Покровский «Путеводитель по небу», 2)«Русский астрономический календарь». Постоянная часть. 1930, стр. 330 и 342. При случае надо тщательно наблюдать и зарисовывать и отдельные *яркие метеоры,* так называемые *болиды.*

Свисток

Рис. 1

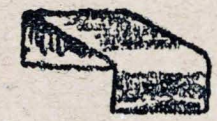


Рис. 2

Рис. 3

Где бы взять хороший свисток, такой, чтобы и свистел громко и не ломался?

Где взять? Да очень просто — сделать самому.

А как?

А вот как: взять старые ножницы и кусок жести (можно от консервной банки) и вырезать из жести две полоски шириной в 3 см и длиной в 8 и в 6 см. Обе полоски хорошенько расправить, а потом конец длинной полоски обогнуть вокруг ручки так, как показано на рис. 1.

Короткую полоску положить сверху и концы ее загнуть, как показано на рис. 2. Потом торчащий конец длинной полоски загнуть, как показано на рис. 3, и свисток готов. Теперь нужно взять его пальцами за те места, куда показывает стрелка на рис. 3, так, чтобы плотно закрыть обе боковые дырочки. А плоский конец взять в рот и дунуть. Вот и все.

ЗОРКИЙ ГЛАЗ

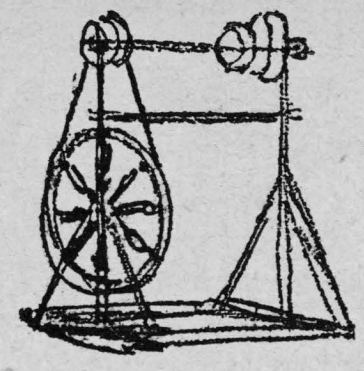
Какой снег скорее растает — чистый или грязный?

■ ■ ■

Кто из них скорее потушит свечу?

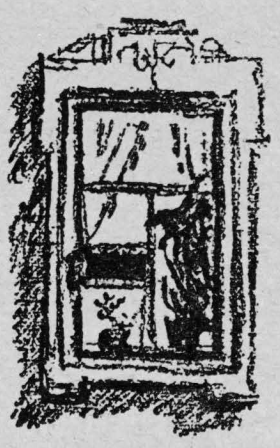
Цена 25 коп.

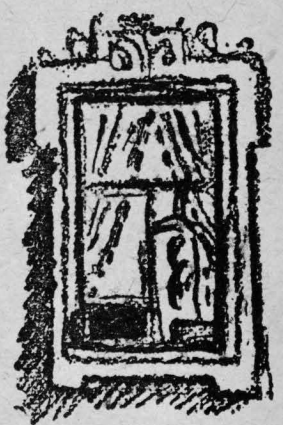
24589



На точильном станке—два круга разной величины. На каком из них можно быстрее наточить нож?

■ ■ ■





В моей квартире три окна. Во всех окнах форточки расположены на разной высоте. Какая из них лучше вентилирует комнату?

■ ■ ■

Что безопаснее — двигаться по тонкому льду ползком или же идти по нему ногами?

■ ■ ■

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 4/VII—34 г., подписан к печати 4/VIII—34 г. Изд. № 710 Формат 1¹/₈ 62×94 см. 1¹/₂ б. л. 135 000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В-94.801 Типография газ. „Правда", Москва, ул. Горького, 48. Заказ № 2236 Тираж 40 000 экз.